

ИГНАТ САХАРОВ

МАТРЕШКА И МЕДВЕДЬ

18+

3+

Игнат Сахаров

Матрешка и Медведь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63740398

SelfPub; 2022

Аннотация

Медведь в юбке Kenzo (еще при Маррасе делали) помогает Матрешке в кокошнике искать внутренних матрешек, которых она распродала перед поступлением в школу моделей. За ними охотятся бандиты, подозревающие, что у Матрешки внутри есть флешка с секретной промышленной информацией. По пути к Матрешке и Медведю присоединяются Фоторобот, уволенный из полиции за нервный тик, сварливая Тень, которая занимается маркетингом, ящерица с документами на налоговые льготы и еще кое-кто. Все идет не совсем так, как они ожидали.

Игнат Сахаров

Матрешка и Медведь

Глава I

Красив настоящий бурый медведь на утренней заре, могуч. И когда ловит лососей в горной речке, мышцы так и ходят под плотной гладкой шкурой, истинный хищник! Вечером же, в заплывающей туманом тайге, силуэт медведя на фоне заката – как знак качества, поставленный на эту местность самой природой. Примерно такие мысли привычно струились в сознании Медведя, когда он рассматривал свое отражение в зеркале, собираясь на работу. Его уже ждал умелый, но малоизвестный фотограф, с которым они вместе работали на главной смотровой площадке Города. Той, что так угрожающе нависает над рекой и даже кажется иногда опасной для домов, стоящих на другом, низком берегу. Опасения совершенно безосновательны, впрочем, поскольку основание площадки укреплено мощными бетонными столбами. Если вы потрудитесь пролезть через заросли плюща, обвивающие сооружение до самого гранитного парапета, то легко сможете их увидеть.

Медведь уже сильно опаздывал, но продолжал оглядывать себя со всех сторон. В этот день ожидался наплыв туристов, а значит, стоило выглядеть поэффектнее. Он уже надел юбку Kenzo, имевшую откровенно восточный вид – с сиреневы-

ми и фиолетовыми цветами на вишневом фоне. Многие выговаривали Медведю за юбки, считая такую манеру одеваться несколько вызывающей для животного мужского пола. Но получали в ответ решительную отповедь и демонстрацию последних модных каталогов. Из которых следовало, что юбка нынче стала допустимой и для мужчины. Как это повелось еще с давних времен – от римлян в туниках до шотландцев с их шерстяными килтами, что по сей день обнажают не менее шерстяные коренастые ноги. «Я обязан сохранять конкурентное преимущество! – горячо доказывал Медведь сторонникам традиционного дресс-кода. – Мой имидж делает меня уникальным в этом секторе рынка!» Спорить со знающим свое дело хищником было сложно, и критики отступались.

Последним штрихом рабочего костюма стала цепь на шее – фотограф выводил за нее Медведя к публике, умело изображая при этом нечеловеческое усилие. Позолота на крупных стальных звеньях облупилась и замок плохо застегивался, но это придавало цепи некоторую винтажность и вовсе не портило общую картину. К тому же Медведь всегда привыкал к вещам. И просто отдавал иногда аксессуар на полировку, не желая радикальных перемен. Уже перед самым выходом он подумал: а не стоит ли надеть темно-синюю соломенную шляпу с сиреневой лентой? Но сразу отказался от этой идеи. Юбка и без того была ярковата.

На смотровой площадке уже толпился народ. Туристы ро-

ились вокруг своих гидов, городские жители выгуливали обновки с распродаж и обменивались мнениями о погоде, дети вгрызались в сладкую вату.

– Вы взяли его из цирка или это дикий медведь? Он опасен? Он мог бы съесть человека? – допытывалась импозантная дама средних лет, только что сдавшая ребенка на фотографию. С ее отпрыском возился помощник фотографа, тщетно уговаривая не щипать Медведя, принять ненадолго вертикальное положение и не двигаться.

– Конечно, он опасен, – привычно взялся рекламировать свое хозяйство фотограф. – Однажды один-единственный медведь съел целую экспедицию, которая искала в тайге месторождение медного халцедона. Но не этот, – поправился он, усмотрев перемены в выражении лица любознательной дамы.

– Почему же он вот так просто у вас ходит?! Он должен сидеть в клетке! – и дама выхватила ребенка из расположения Медведя тем неуловимым цепким движением, на которое способна только опытная мать, вырастившая уже не одного квалифицированного хулигана.

– Он у нас под наркозом, – успокоил ее фотограф. – Мы прямо с утра даем хищнику оксibuтират натрия и хватает на целый день. Посмотрите, какой он смирный!

Медведь послушно закатил глаза и отвесил губу, изобразив вялого одурманенного зомби. Хотя выглядело это так, будто он некстати вспомнил про свой ипотечный кредит.

Потом были еще празднично одетые пары с детьми и путеводителями, наглого вида юнцы с хихикающими одноклассницами и еще иностранец в панаме, пытавшийся ткнуть в Медведя зонтом, чтобы проверить, не сидит ли внутри шкуры специально натренированный артист. Медведь несколько не расстроился – такие подозрения укрепляли его уверенность в своем артистизме. Да и тычок зонтом не причинил вреда. Несмотря на физкультуру и обезжиренные продукты, Медведь, как истинный представитель своего рода, имел внушительный слой подкожного жира. Каждую осень природа звала его наестся чего попало, окончательно разжиреть и впасть в спячку. И он терпел жестокие мучения, сопротивляясь инстинкту. А ведь природа – известная соблазнительница, не всякий человек может преодолеть ее козни. Так что уж говорить про Медведя, которому сохранение хорошей формы всегда казалось настоящим подвигом. Впрочем, выбора не было – зимняя спячка давно уже считается среди крупных хищников несовременным и простоватым досугом сродни боулингу или собиранию пивных этикеток. Да и рабочий график не позволил бы ему так себя разбаловать.

Утренние волны экскурсантов отхлынули к полудню и потянулись под зонтики уличных кафе. Медведь тоже решил подкрепиться, тем более что из потенциальных клиентов вокруг слонялись лишь несколько пар молодоженов. А эти больше любят сниматься друг с другом, да еще с бронзовой

чайкой, которой надо потереть под хвостом, чтобы семейная жизнь заладилась. Он развернул фольгу, где уютно лежал небольшой багет с разрезанным брюшком, которое было плотно нашпиговано сыром, ветчиной, влажными листьями салата и сразу выпадающими наружу, а потому бессмысленными оливками. Оторвав отбеленными клыками кусок резинистого деликатеса, Медведь принялся с энтузиазмом жевать, оглядывая знакомую до мелочей местность в поисках новых забавных персонажей. Мимо проезжали люди на роликах. Некоторые из них выделяли мудреные пируэты с участием бордюров и скамеек, при этом падали с гулким стуком, какой обычно производят пластиковые наколенники при столкновении с асфальтом. Провинциальные пенсионеры чинно шествовали в многослойных выходных одеждах, внуки их плелись рядом, глядя на обладателей роликов с жадной завистью. Несколько японских туристов, уже отснявших Медведя в самых невиданных ракурсах и масштабах, теперь занялись узорчатыми каменными башенками и медными шпилями замка, выстроенного в незапамятные времена основателем города. И запечатлели их так обильно и подробно, будто собирались чуть позже отправить сюда десант. А вдоль парапета выстроились лотки с сувенирами, за которыми скучали продавцы. Вялые на вид, они готовы были в любой миг взбодриться и наброситься на покупателя, чтобы очаровать несчастного и сбыть ему резную деревянную ложку, матрешку или вязанку сушеной паприки, неизвестно как

затесавшуюся в ряд бестолковых вещиц. Вдоль лотков бродили туристы, которые время от времени выуживали из груды мелочей что-нибудь занятное – к примеру, плетеного веревочного оленя или фарфоровую копилку в виде желудя. И со смешками обсуждали добычу на своих непонятных языках. Впрочем, ясно было и без перевода, что олень уродился похожим на какого-то близкого или дальнего их родственника.

Кроме туристов, около лотков ошивалась еще довольно крупная матрешка и настойчиво расспрашивала о чем-то продавцов. Медведь оглядел ее мельком, отметил крупный розовый кокошник, что рос у нее на голове на манер петушиного гребня, только поперек. И уж было забыл о ней, переведя взор на последний ломтик ветчины, притаившийся в глубине сэндвича, но матрешка снова привлекла его внимание. Она громко спорила с одним из торговцев, который отвечал все раздраженнее, а затем вдруг вышел из себя. Он истошно кричал на матрешку, при этом потрясал руками, подпрыгивал и метал дикие взоры, словно воробей, ненароком склевавший горсть кофейных зерен. После схватил охапку сувенирных матрешек со своего лотка и стал их открывать, а вернее, разрывать в ярости пополам: хлоп! – и деревянная кукла распадалась надвое, рассыпая, как икринки, более мелких – тех, что жили внутри. На скандал потянулись другие продавцы. Один из них о чем-то спрашивал матрешку, а та все качала головой и уже попятилась, явно собираясь

обратиться подальше, как еще один из толпы, крепкий мужик, даже детские рисунки которого наверняка пахли пивом и дрянными сигаретами, схватил ее и потащил куда-то за лотки. Матрешка истошно завизжала, пытаясь освободиться, но ей зажали рот, а еще несколько рук ухватили за бока, помогая пропихнуть в укромное место на неизвестную расправу. Этого Медведь, конечно, не мог стерпеть. В конце концов, смотровая площадка была его рабочим местом и любые беспорядки грозили, в том числе, его репутации.

Решительно выхватив мобильный, как шпагу из ножен, Медведь набрал номер полиции, прослушал несколько гудков и приступил к беседе.

– Городское полицейское управление, – сообщил твердый женский голос в трубке, – оператор 1304. Что у вас случилось?

– У нас тут похищают матрешку! – пожаловался Медведь.

– Кто похитители, сколько человек? – в трубке послышалось клацанье ноготков по клавиатуре.

– Продавцы сувениров на смотровой площадке. Человек шесть и еще подходят!

– Вы знаете их лично?

– К счастью, нет, – Медведь следил за тем, как матрешка выскользнула было из цепких рук продавцов и пустилась прочь. Но из-за лотков выскочил щуплый человечек с лицом смятой салфетки и ловко бросился ей в ноги, словно вратарь за мячом. Схватил за подол платья и уронил, сверху гурьбой

посыпались остальные похитители и завозились – очевидно было, что матрешку чем-то связывают.

– Вы впервые пользуетесь услугами городской полиции или были нашим клиентом раньше? – клавиши на невидимой клавиатуре продолжали буйно стучать, будто обладательница голоса писала роман с продолжением. Из тех, где Жозе бросает страстный взор на Генриетту и сжимает ее дрожащую от волнения руку, а предатель дворецкий вонзает кинжал в спину Жана-Батиста, и тот падает навзничь, и кровавая пена пузырится на искривленных страданием устах его, но из последних сил он хрипло шепчет: «Нет, никогда, никогда она не будет твоею!»

– Что? Нет. Не был... Пришлите, пожалуйста, кого-нибудь срочно! Они ее связывают! – Медведь по-настоящему встревожился, увидев, что продавцы впали в охотничий азарт и опутывают пленницу сувенирными полотенцами с вышивкой. Превращая ее в подобие кокона неизвестного науке насекомого весьма домотканной внешности.

– Не волнуйтесь, помощь придет, – успокоил голос в трубке, продолжая печатать. – Скажите, откуда вы о нас узнали? Радио, телевидение, пресса?

– Я не помню, – честно ответил Медведь, – пришлите, пожалуйста...

– Может быть детективы? Рассказы родителей? Вас пугали полицией в детстве? Матрешка тем временем выпростала одну руку и стала наугад лупить врагов по спинам, глухо

визжа под слоєм полотенец.

– Да, наверное. Детективы и рассказы родителей. Будьте добры, ее уже уносят...

– Пожалуйста, оставайтесь на линии, – поставил голос точку в беседе и допечатанном наконец документе, – я соединяю вас со специалистом по похищениям.

Телефон заиграл концерт Дворжака для виолончели с оркестром си минор, но тот сразу оборвался, уступив место уверенному баритону.

– Здравствуйте, Городское полицейское управление, отдел борьбы с похищениями, – представился баритон. – Слушаю, что у вас случилось?

Медведь снова перевел взгляд на поле боя. Матрешку запеленали в полотенца полностью, а самый габаритный из продавцов взвалил ее на плечо и понес в потрепанный пикап, где за рулем сидел уже тот самый тщедушный ловкач, пытаюсь завести мотор.

– Алло! Что у вас случилось, говорите! – вежливо настаивал баритон.

Медведь решительно захлопнул раскладушку и направился к пикапу.

– Эй, послушайте! – Тащивший матрешку здоровяк мельком глянул на Медведя, словно на крикнущую некстати чайку, и стал открывать багажник, чтобы сгрузить добычу внутрь.

– Прекратите хулиганить! Я вызову полицию! – Медведь

подошел еще ближе. Он начинал злиться, и даже не вопиющее похищение матрешки среди бела дня было тому причиной. Уверенность хулиганов в безнаказанности – вот что задело Медведя сильнее всего. И еще этот неуважительный взгляд, конечно.

– Выньте сейчас же матрешку и распеленайте!

На этот раз его не удостоили даже взглядом. Торговец уже затолкал матрешку в багажник, хотя она извивалась, насколько позволял кокон из полотенец, и продолжала глухо подвывать. Багажник не закрывался полностью – добыча все же была довольно крупной. И на помощь здоровяку из-за руля вылез его тощий собрат. Не повернув головы в сторону Медведя, который продолжал громко требовать порядка, он уселся на багажник и стал на нем подпрыгивать, стараясь утрамбовать матрешку и защелкнуть замок.

Марвин Джеймс, кем бы он ни был, сообщает в своем фундаментальном труде «Медведи Заполярья и Аляски», что «при агрессии медведь ощетинивается и прижимает уши к голове, загривок его вздыбливается». Примерно так все произошло и на этот раз. Медведь почувствовал, как верхняя губа его задрожала, обнажая клыки, а это был нехороший признак. Он попытался взять в себя в руки, но стало только хуже – негодование рвалось наружу, шерсть встала дыбом, глаза налились кровью, а наманикюренные когти растопырились так, что можно было порезаться от одного их вида. И, не в силах больше себя сдерживать, Медведь издал

оглушительный рев, жуткую смесь рычания и воя, которая была записана глубоко в его генах, но до сих пор ни разу не представлялась публике. Рядом оказался ни в чем не повинный мим, раскрашенный под статую, – обычно он стоял неподвижно и лишь изредка совершал резкие телодвижения в сторону туристов. Что доставляло им приятный испуг, а ему – скромный гонорар. От медвежьего рева мим скакнул в сторону прямо с места, как огромный стальной кузнечик, споткнулся, упал, кувырнулся и, набирая скорость, молча понесся куда-то вдаль. Наряду с мимом пострадали еще несколько существ разной степени разумности, некстати оказавшиеся рядом. В частности, питавшаяся из мусорного бачка галка влетела в него целиком, словно от порыва ветра, и притаилась за только что обкусанной булкой. Несколько любителей роликов, не сговариваясь и не тормозя, свернули в гущу кустов и затрещали ветвями, продираясь прочь от опасного места. Торговец попкорном застыл с полной коробкой в руках и устремил взгляд на трещины в асфальте – он слышал, что хищникам нельзя смотреть в глаза. Хотя медведям, по правде говоря, это совершенно безразлично. На похитителей матрешки выплеск дикорастущей ярости произвел столь же магическое впечатление, как и на всех прочих. Тот, что был крупнее, сделал заранее обреченную попытку спрятаться под машину, застрял под карданным валом и завизжал – тихо и неожиданно тонко для мужчины его комплекции. Щуплый злоумышленник свалился с багажника,

попытался встать и бежать одновременно, потерпел неудачу и стал удирать, как был – на полусогнутых ногах, помогая руками. Певцы дарвинизма могли бы зафиксировать это явление, как неоспоримое доказательство своей правоты. Впрочем, им, вероятно, было бы не до научных изысканий. Даже матрешка затихла на несколько секунд в своем расписном коконе, но потом вновь стала глухо орать и извиваться всем телом.

Сам пораженный тем, что учинил, Медведь нервно подскочил к багажнику, вытащил матрешку наружу, поставил вертикально и попытался распеленать. Но пальцы не слушались, он никак не мог успокоиться – остатки негодования смешивались со стыдом за неприличное для культурного животного поведение, и от этого в душе у Медведя разгулялся целый тайфун чувств. Поняв, что ювелирно размотать полотенца не получится до вечера, он решил рискнуть. Слегка проткнул их когтем где-то в районе предполагаемой матрешкиной головы, прислушался, не случится ли крика боли, а после резко распорол кокон сверху вниз. Матрешка со стуком выпала на асфальт, голова ее, как оказалось, была снизу. Полежав пару мгновений и потаращившись на небо, она внезапно вскочила и понеслась прочь, целясь попасть на аллею, что вела от смотровой площадки вниз к набережной.

– Эй! Вы в порядке? – крикнул Медведь ей вслед.

Решив, что матрешка испытала сильный стресс и теперь находится в смятении, он заволновался: а не свалится ли она,

чего доброго, в реку. Подумал и потрусил вслед за ней. В конце концов, роль спасителя положено исполнять до традиционного финала, где благодарность спасенного безгранична, его родственники жмут руки и зовут захаживать, а герой скромно улыбается и чувствует себя смущенным от всеобщего внимания. К тому же Медведю неловко было возвращаться на смотровую площадку сразу после учиненного там скандала. Ситуация вообще начинала его беспокоить. Он знал, как стремительно расходятся и плодятся слухи – даже цунами на их фоне выглядит весьма бледно. Особенно это касается слухов о хищниках. Без малого год назад один тигр в городском цирке случайно задел дрессировщика зубами за горло, так газеты до сих пор терзали это событие, будто речь шла не о паре царепин, а о взрыве бомбы с начинкой из гвоздей. Да, у Медведя, пожалуй, были причины для волнений. Вот завтра будут говорить: «Медведь на смотровой площадке сорвался с цепи, вы слышали?» И кто после этого отдаст детей с ним фотографироваться? Какой турист сунется смотреть на Город с высоты, восхищаться мозаичной крышей насупленной древней церкви и цветочной геометрией парка позади нее, если где-то рядом бродит в зарослях обезумевший зверь с капающей из пасти пеной? А через неделю Интернет будет пестреть заголовками: «Медведь в юбке растерзал нескольких человек, мэрия вызывает спецназ». Как тогда восстанавливать репутацию? И, хотя у него с фотографом был заключен долгосрочный контракт... Нет,

даже думать об этом Медведю не хотелось.

Матрешка скользила по неровному асфальту парка довольно резко и даже создавала турбулентность, от которой традиционное матрешечье платье – брусничного цвета и расшитое угловатыми узорами – полоскалось у нее на спине, как флаг. Листья платанов, начавшие в этом году опадать раньше обычного из-за слишком жаркого лета, вспархивали вихрями, когда она проносилась мимо, и общительно шелестели, оседая обратно на обочину. Медведь бежал рядом размеренной рысцой и примеривался вступить в разговор, чтобы заболтать и остановить несущуюся вдаль бедняжку, удостовериться, что она пришла в себя, и отвести, куда потребуется, если потребуется. Но матрешка вдруг остановилась сама.

Только что она неслась с легким шорохом по парковой аллее и в одно мгновение будто вросла в теплый асфальт. Кошник и платье собрались было продолжить движение, полагаясь на силу инерции, но, слабо трепыхнувшись вперед, решили в итоге остаться на хозяйке.

Только через пару секунд Медведь осознал, что продолжает бег в одиночестве, и тоже резко затормозил. Но у него это вышло не так эффективно. Задняя часть сразу ушла в занос, и, разлиновав асфальт когтями, как нотную тетрадь, он остановился уже на обочине, едва не столкнувшись со скамейкой, выполненной в основательном деревенском стиле. Матрешка стояла и пристально вглядывалась в сторону смотровой площадки – туда, откуда они только что примча-

лись. Медведь трусой вернулся к ней и кашлянул, обозначая начало беседы.

– Никого вроде нет, – перебила она еще не начатую его фразу. – Никого не видно. Может, и не гонятся, а решили подождать у выхода, хитрецы. Или пошли поперек через парк. Подними-ка меня!

Медведь молча ухватил Матрешку подмышки и приподнял. Почему бы не выполнить мелкую просьбу. В конце концов, это ее пытались похитить и она, вероятно, лучше знает, как уклониться от новых встреч с негодьями. Так они простояли почти минуту, весьма украшая парк этой новой композицией, но у Медведя стали затекать передние лапы.

– Что-нибудь видно? – сдержанно спросил он. Вложив в свой тон достаточную дозу намека, чтобы любое воспитанное существо задумалось, а не злоупотребляет ли оно чужими временем и силами.

– Да вроде нет... – Матрешка не заметила слоености вопроса и продолжала всматриваться вдаль. Но, убедившись наконец, что погони нет, хлопнула Медведя по лапе.

– Долго мне тут висеть?

Очутившись вновь на земле, она поправила платье и хозяйским движением, не глядя, ухватила спасителя за цепь.

– Идем с другого выхода, я тут все знаю.

Медведь не шевельнулся. Цепь служила ему не только любимым аксессуаром, но и рабочим инструментом, дотрагиваться до которого было прилично лишь коллегам при необ-

ходимости. Даже фотограф, берясь за цепь, привычно спрашивал: «Позволь?» Поэтому сейчас, когда Матрешка позволила себе не просто схватить цепь, но еще дергать за нее, будто собралась выгуливать сонного ретривера, Медведь был глубоко обижен. Он демонстративно стоял, не меняя позы и стиснув зубы, и смотрел так холодно и обвиняюще, что любое воспитанное существо быстро обратилось бы от такого взгляда в камень. А потом, поразмыслив, рассыпалось бы в песок, чтобы вовсе исчезнуть с глаз.

– Ну, что такое?! – не сумев сдвинуть объект с помощью цепи, Матрешка наконец повернулась к Медведю и взглядела в его оскорбленную физиономию, будто впервые увидела.

– Что ты напыжился, не хочешь идти? Ну, пускай тебя в зоопарк забирают, мне-то что! – и, отпустив наконец цепь, она снова заскользила в сторону набережной, которая уже мелькала из-за сытых парковых деревьев белесой мостовой и ажурным чугуном старинного ограждения. В узоры которого, между прочим, вплетены чугунные же фигурки всех известных местных животных и одного неизвестного – некоторые исследователи считают, что это неудачно выполненная саранча, другие утверждают, будто опознали в фигурке детеныша ондатры. Если будете на набережной, непременно взгляните, это довольно любопытно.

Медведь колебался, хотя оскорбленное самолюбие и подбивало его развернуться да пойти прочь. Фраза Матрешки

о зоопарке ухнула в потайной закоулок сознания, где жили в тиши и неге многие его тайные опасения. И те вырвались наружу, будто стая разбуженных летучих мышей. Зоопарк был пределом падения для любого городского животного. Туда помещали только тех, кто откровенно выбился из канвы общественной жизни и сделался неуправляем. Говорят, что тот тигр, который случайно заглотнул голову дрессировщика и оцарапал клыком горло, как раз попал в зоопарк. Правда, потом его признали невиновным и позволили вернуться в цирк, теперь он сидит на тумбе и ловит зубами горящий факел. Медведь хотел было позвонить фотографу, чтобы узнать, какова ситуация – не ищут ли, все ли успокоилось. Но приветливый женский голос сообщил, что абонент временно недоступен. Это, конечно, был плохой признак. Возможно, на смотровую площадку уже приехала полиция и опрашивает публику по поводу разбушевавшегося медведя, поэтому фотограф не хочет беседовать с ним у всех на виду. Но почему Матрешка предложила идти с ней, как это может замять проблему?

– Эй, ну-ка постой! – и Медведь снова ринулся за ней следом.

Красное платье мелькнуло впереди за поворотом, Медведь галопом нагонял Матрешку. Уже у реки, когда асфальт перешел в нагретую солнцем, маслянисто блестящую отполированными камнями набережную, он поравнялся с ней и

перевел дух.

– Что это значит насчет зоопарка?

– Ты ведь обиделся, зачем общаться с тем, кто тебя обидел! Лучше просто уйти, и неважно, что кто-то нуждается в твоей помощи... – Матрешка скорбно поджала губы и устремила страдальческий взгляд вдаль. Пролетавшая ворона обернулась – уж очень несчастный был у Матрешки вид. Обернулась, засмотрелась, выронила только что украденный у прохожих пончик и сердито каркнула.

– Обида ни при чем. Просто, согласитесь, у каждого есть свое личное пространство, – запротестовал Медведь, – и вмешиваться в него недопустимо!

Ему очень хотелось напомнить Матрешке, что не приди он на помощь, ехать бы ей сейчас в багажнике ветхого пикапа в сторону серьезных проблем. Но пришлось смолчать. Ведь могло показаться, будто он помог ей только из ожидания благодарности, а это было совсем не так. Правда, совсем не так!

– Да ладно, не оправдывайся, я тебя насквозь вижу! – Матрешка свернула к скамейке, шлепнулась на нее и заерзала, устраиваясь поудобнее. – Уж интеллектом не обделена. Уфф-ф, как я устала!

Она стала вдруг ощупывать свой бок, а потом что-то там ухватила и рывком растянула молнию, которая шла, как оказалось, поперек ее живота, но была не видна из-за пестрого узора на платье. Потом засунула руку – нет, не в кар-

ман или проем, который мог предполагаться под молнией, а прямо вглубь самой себя. И стала там шарить. При этом внутри что-то шелестело, звенело и погромыхивало. После недолгих поисков вытащила леденец в форме слоника, откусила ему голову и захрустела.

– Сладкое бодрит! – пояснила она.

Любой на месте Медведя удивился бы. Во-первых, все знают, что леденцы в форме слоников давно уже сняли с производства в Городе, сочтя это нарушением прав животных. А значит, он мог быть просрочен. Во-вторых, внутри у Матрешки явно не было матрешек помельче – тех, что должны там жить одна в другой по всем правилам матрешечьего устройства. Но Медведь не обратил на все это внимания. Он обнаружил нечто более интересное и внимательно рассматривал подол Матрешкиного платья, пытаясь заглянуть под него.

– У тебя что, нет ног? – спросил он озадаченно.

– Это у тебя нет ног, а только лапы, – пробурчала Матрешка через полупрожеванный леденец. – Это вот что, потвоему? – и она изогнулась, выставив из-под платья нечто вроде широкой, гладкой и слегка вогнутой подошвы.

– Похоже на присоску, – сообщил Медведь, внимательно рассмотрев странный объект.

– Нога – широкое понятие, – авторитетно заявила Матрешка, – даже то, чем ползают улитки, называется ногой.

– Это такая же?

– Похоже только внешне! – посурела Матрешка. – Моя нога – очень тонкий инструмент. Можно вот так делать, – и по поверхности присоски пробежала быстрая волна, – так я бегаю. Можно ей прилипнуть к любой поверхности, кроме кафеля, а можно вот так, – волна пробежала по краю, а потом обратно, – это чтобы быстро вращаться. Она богато иннервирована!

– Чем она богата?

– Нервов в ней много. Она очень чувствительная, – Матрешка втянула центр ноги, а края выгнула дугой так, что получилось что-то вроде двух щупалец, схватила Медведя за цепь, подергала и хихикнула. Тот закаменел лицом.

– Все-все, не обижайся, маленький! – Матрешка вгляделась вдаль, что-то увидела между деревьями и очень доволь-но воскликнула:

– О! То, что нужно! Пошли! – соскочила со скамейки и целенаправленно куда-то заскользила.

– А почему ты не можешь прилипнуть к кафелю? – спросил Медведь ей в спину, послушно направляясь следом.

– Соскальзываю.

Матрешка свернула на одну из многочисленных прогулочных тропинок, которыми городской парк был испещрен, как шарпей морщинами, и Медведь увидел, что ее так обрадовало. Среди плакучих ив и кустов невесть как здесь прижившегося олеандра расположился небольшой бар. Судя по всему, сначала его предполагали стилизовать под деревен-

скую таверну, но в разгар стройки дизайнера вдруг охватил дух Дикого Запада и уже не отпускал до самого конца. Поэтому в бревенчатом домике с резными наличниками появились распашные дверки высотой до пояса и пианино, за которым скучал тапер. А название «Нибиру и котик» было написано тем шрифтом, которым в вестернах обычно назначают награду за голову опасного грабителя. Матрешка бодро проскользнула в темноту бара и вскарабкалась на стул возле стойки.

– Налейте что-нибудь, у меня был трудный день!

Бармен вздрогнул, проснулся и расцвел от удовольствия – он любил свою работу, но клиентов днем было совсем мало и некому было показать искусство смешивания коктейлей, жонглирования бутылками и скоростного выжимания цитрусовых. Тапер тоже проснулся и взял тихий аккорд, готовясь создавать настроение.

– Предпочитаете классику или желаете попробовать какой-нибудь из наших новых оригинальных коктейлей? – певуче осведомился бармен. – Крепкий или не очень, сладкий или с кислинкой?

– Все равно, – сухо ответила Матрешка.

– У нас есть отличный новый коктейль «Весенний напалм», – продолжал бармен, едва сам не причмокивая от удовольствия, – в него входит куантро, немного гренадина, гранатовый сок, виски, кальвадос, вишневый сироп...

– Мне неинтересно, что туда входит, – прикрикнула Мат-

решка, – давайте, я уже полчаса жду, пока вы тут болтаете!

Бармен заметно сник, но обозначил почтение к любым пожеланиям гостя учтивым полупоклоном и принялся мелькать в воздухе бутылками и шейкерами.

– Апельсиновый фреш, пожалуйста, – Медведь тоже присел за стойку и с интересом наблюдал за манипуляциями бармена.

Тот, не отрываясь от приготовления коктейля, одной рукой отправил на соковыжималку три апельсина подряд, наполнил стакан, закинул в него соломинку и метнул по стойке точно в лапы Медведя, успев даже сопроводить отправленное вежливой улыбкой. После чего завершил шедевр, предназначенный для Матрешки, – влил в шейкер еще пару ингредиентов из бутылок с малоизвестными вермутами и настоекками, добавил мутноватого зеленого фреша, решительно все это встряхнул и вылил в высокий бокал. Затем снабдил содеянное ломтиком апельсина, бумажным зонтиком и соломинкой, придвинул под нос Матрешке и посмотрел на нее глазами, полными ожидания чаевых.

Матрешка подозрительно оглядела бокал со всех сторон, будто ожидала, что тот сейчас расскажет стих или прыгнет через обруч. После чего вынула зонтик, сняла с края апельсин, вынула и отбросила трубочку, взяла бокал поудобнее и выпила содержимое залпом. Выдохнула, причмокнула и съела апельсиновый кружок.

На бармена было жалко смотреть. Будто на его глазах

Джоконду вырезали из холста, чтобы сделать из нее маску на Хэллоуин. Но он не успел как следует погоревать о том, что гостья так и не ощутила пикантных нот дубового мха и тропической полуночи, которые придала коктейлю особая травяная настойка с иссопом, можжевельником, бутонами настурции и экстрактом осинового гнезда. Потому что с Матрешкой произошли странные и очень быстрые перемены. Ее кокошник стал на глазах раздуваться и багроветь и вдруг стремительно покрылся лиловыми пятнами, которые постепенно превращались в крупные волдыри. Медведь с барменом в ужасе наблюдали за этим распухающим пурпурно-сизым шаром, пока Матрешка, ничего еще не чувствуя, удовлетворенно прикрыла глаза и прислушивалась к тому, как коктейль расплывался теплом по ее организму. Бармен имел большой опыт и крепкую барную закалку, полученную еще в берлинском Cookie's Cream, поэтому он опомнился первым и деликатно, но настойчиво потряс Матрешку за плечо.

– Прошу прощения, у вас все в порядке? Мне кажется, у вас проблемы с кокошником.

– Что? Что случилось? – Матрешка недовольно уставилась на него, выпав из состояния блаженства.

– Ваш кокошник!

– Что еще?! – Матрешка ощупала кокошник и внезапно завопила так громко, что бутылки на стойке задребезжали и даже немного сместились под мощью звуковой волны. Впрочем, вопль быстро стал хриплым, а затем и вовсе прекратил-

ся – краснота с кокошника распространилась на лицо Матрешки, и она начала задыхаться.

– У вас там было виски?! – прохрипела она бармену в панике. – У меня аллергия на виски! Почему вы не сказали?!

– Я пытался! – сердито ответил бармен, набирая номер скорой, пока Медведь суетливо вынимал свой мобильный, ронял, поднимал, снова ронял, случайно отфутболивал под стойку и выуживал оттуда, не отрывая округлившихся глаз от быстро раздувающейся Матрешки и ее густо-багрового кокошника, который достиг уже размера баскетбольного мяча.

– Почему вы не сказали, что там виски?! – продолжала хрипеть Матрешка. – Я же могу умереть! Вызовите скорую!

– Я вам говорил, вы не стали слушать! – снова буркнул бармен. – Скорая? – озабоченно обратился он к трубке, – Примите вызов! Матрешка, размер крупный, аллергическая реакция и отек, находится в баре «Нибиру и котик», что на набережной, скорее пожалуйста!

– Вы не могли сказать, что там виски?! – хрипло бубнила Матрешка. – Не могли сказать?!

– Что вы говорите? – переспросил бармен диспетчера, сердито косясь на Матрешку. – Пятна сиреневые, да. Распух до размера арбуза. Да, спасибо, – и он положил трубку. – Скорая уже едет.

Медведь тем временем справился с телефоном и растерянно застыл с ним в руке, не зная, чем помочь.

– Все в порядке, сейчас приедут, – успокоил его бармен.

– Почему вы не предупредили?! Как же так можно?! – говорить Матрешке было все труднее, но она продолжала метать на бармена безумные взгляды и хрипло бормотать укору.

– Да говорил я вам, вы не стали слушать! – сорвался бармен на крик.

Матрешка замолкла и начала еле слышно всхлипывать, ее колотил озноб. Бармен с Медведем переглядывались, не зная, что делать дальше. Это был тот неловкий момент, который всегда наступает, когда скорая уже вызвана, сделать что-то большее присутствующие не умеют, но больному все хуже. Тогда воцаряется неуютное молчание и хочется чем-то заполнить паузу. В таких случаях можно посоветовать дружно прикладывать к пострадавшему холодные компрессы – они не помогают, но создают атмосферу сотрудничества. Увы, ни Медведь, ни бармен не знали об этом простом и доступном средстве. К счастью, мучительное затишье прервалось шумом подъехавшей машины и топотом ног по мостовой. Двое сосредоточенных медиков вбежали в бар, огляделись и дружно ринулись к Матрешке.

– Адреналина пять кубиков, преднизолон, лазикс, – бросил один другому через плечо еще на ходу и стал натягивать латексные перчатки. Пока подчиненный гремел ампулами и наполнял шприц, врач ощупал кокошник, пытался открыть Матрешке глаз, но не смог найти. Приняв из рук помощни-

ка шприц с адреналином, он воткнул его в кокошник и медленно ввел содержимое. Затем медики вынули из объемной сумки нечто похожее на клюшку для гольфа, как она будет выглядеть через пару тысяч лет. В разложенном виде предмет оказался всего-навсего штангой для капельницы. На нее повесили пластиковый пакет с бесцветной жидкостью, отходящий от пакета шланг увенчали стерильной иглой, ввели ее Матрешке в вену и приклеили пластырем.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал доктор, осмотрев результат своих трудов, – теперь можно везти, – и, наклонившись к Матрешке, посуровел. – Как же вы так, а? Знаете же, что виски матрешкам нельзя! Вы о чем думали?

Кокошник на глазах спадал, покрывался морщинами и принимал бледно-розовый цвет. Лицо Матрешкино тоже стало проявляться из-под отека, и она гневно, но неразборчиво забурчала в ответ, еще хрипя и покашливая. Бармен устало вздохнул и поднял глаза к потолку.

– Молчите, молчите, потом расскажете, – отмахнулся врач.

Ему не требовался ответ, поскольку и вопрос-то не был вопросом, а всего лишь укором, который не предполагал обмена мнениями. Да и не хватало еще врачу выслушивать мнение пациента. Они же, пациенты, известно каковы – спят и видят, как бы наестся репьев, засунуть себе в нос велосипедную спицу или еще каким хитрым образом прибавить работы медикам.

– Вы с ней? – спросил он Медведя, пока помощник раскладывал носилки. – Поедете в больницу?

– Да-да! – Медведь засуетился, порылся в глубоком кармане юбки, выудил оттуда кредитку и протянул бармену. Тот молниеносно скользнул карточкой через щель терминала, выдал чек, и Медведь зазвенел мелочью, выискивая что-то подобающее для чаевых. Но тут у Матрешки наконец прорезался голос.

– Не смей! Не смей ничего ему давать! – заголосила она. – Он меня пытался отравить, а ты ему чаевые?! Ты с ним заодно!

– Послушай, ну хватит, – зароптал Медведь, – никто тебя не собирался травить, это просто аллергия, ты же сама знаешь!

– Он мне подсунил виски и не сказал, не смей ему ничего давать! – продолжала верещать Матрешка. – Что вы мне укололи? Покажите ампулу! – переключилась она вдруг на медиков. Те уставились на нее с недоумением.

– Лекарство мы вам укололи, полезное, – сообщил врач и переглянулся с напарником.

– Покажите ампулу! – настаивала Матрешка. – Я имею право знать!

– Я вам потом ее покажу и даже подарю, хорошо? – с явным нетерпением предложил врач. – Поехали в больницу, а? А то у нас еще дел по горло. Ложитесь на носилки, пожалуйста!

– Вы обязаны спрашивать мое согласие на лечение! – рывкнула Матрешка ему в лицо. – Показывайте ампулу!

– Мирослав, покажите ей ампулу, – устало приказал врач. Помощник с экзотичным для этих мест именем немедленно выудил первую попавшуюся ампулу, аккуратно поднес под нос Матрешке и дал прочитать.

– Все? Можем ехать? – предельно вежливо спросил врач, когда Матрешка, пошевелив сосредоточенно губами, сделала вид, будто название лекарства ей знакомо. И зачем-то посветил ей маленьким фонариком поочередно в оба глаза. – Да, можем, – ответил он сам себе, и медики стали укладывать потерпевшую на носилки, пока она продолжала строго отчитывать Медведя.

– Никаких чаевых в этом месте, никогда! – громко декларировала она, будто выступала на митинге профсоюза скандалистов. – Они отравители! Я подам в суд, я всех там знаю, эту лавочку вообще прикроют!

Медведь огорченно глянул на бармена и пожал плечами, как бы говоря: «Ну вы же понимаете!» Тот приподнял брови и устало покачал головой, как бы говоря: «Ну что вы, не стоит беспокоиться, подавитесь своей мелочью».

Пока Матрешку несли к машине, она снова стала всхлипывать.

– Я же могла умереть, – причитала она тихонько, – Я же реально могла умереть! Ну как же так можно!

Глава II

Больница вынырнула из-за деревьев вся сразу. Не было никаких предисловий в виде предупреждающих надписей, лабораторных корпусов или скопища скорых. Это все пряталось где-то в глубине, за главным зданием. Фасад же призван был настраивать посетителей на почтительный и даже благоговейный лад. Белая мраморная балюстрада, окаймлявшая крыльцо и просторную террасу, вполне сгодилась бы любому римскому цезарю, если бы тот вдруг пожелал произнести речь о побочных эффектах салицилата натрия. Фронтон над террасой был украшен мозаикой, которая изображала бога медицины Асклепия за работой. Одетый в тунику и растительный венок, он протягивал неряшливому старику с развевающейся бородой вполне современную пробирку и на нее же указывал пальцем. Старик принимал дар, странно скривившись, но под определенным углом в этой гримасе можно было опознать смесь изумления и восторга перед неминуемым исцелением. Также в сценке участвовала змея, которая удивленно смотрела в креманку, и еще аптекарские весы, одна чаша которых поднялась выше другой, хотя обе были совершенно пусты. Пока Матрешку укладывали на каталку и увозили в приемный покой, который скромно белел дверью с торца здания, Медведь невольно задержался перед этой композицией, впечатленный богатством палитры и остротой сюжета. Но вскоре его окликнула медсестра, и он поспешил внутрь, оставив античного бога символизировать, а весы –

взвешивать невидимый груз.

Войдя в коридор приемного покоя, Медведь зажмурился, а потом заморгал, пытаясь унять резь в глазах. Яркий свет от флюоресцентных ламп, которыми был густо нашпигован потолок, вытеснял из белых стен и белого же пола любой намек на тень и заставлял их ослепительно сиять прямо в глаза всем входящим. Среди потоков света в панике носилась одинокая муха, которая давно уже поняла, что угодила в переделку, и тщетно пыталась найти выход. Жить ей оставалось до ближайшей дезинфекции. От коридора ответвлялись направо и налево небольшие кабинеты для осмотра тех пациентов, состояние которых не внушало опасений. Пока врачи задавали одним из них каверзные вопросы, накладывали повязки с химическим запахом и вносили в компьютер всю подноготную, другие ждали в коридоре, коротая время в живом общении. Человек с окровавленной рукой громко и подробно рассказывал всем, кого это могло заинтересовать, как он схватил на улице крысу, при этом последняя его укусила. Один излишне любопытный слушатель спросил, наконец: «А зачем вы схватили рукой крысу?» Рассказчик растерялся, умолк и погрузился в задумчивость. Рядом сидел пострадавший в аварии мотоциклист – его уже смазали мазями и перебинтовали, а теперь он ждал провожатого, чтобы отправиться в палату. Мотоциклист тоже начал рассказывать свою историю, но у него это получилось хуже – обработан и перебинтован он был почти целиком, включая рот и

челюсть. За него стали говорить другие больные – они принялись обсуждать, не странен ли тот факт, что мотоциклист не сломал ни одной крупной кости, а отделался шлифовкой спины об асфальт, сотрясением мозга, ушибами, царапинами и ссадинами. Тот внимательно слушал дискуссию, шевеля иногда забинтованной рукой в знак несогласия.

Медсестра помахала Медведю из дальнего конца коридора, приглашая быстрее идти к ней. Он поспешно миновал забитый людьми коридор и оказался в главной смотровой комнате. Помещение это смахивало на офис, сотрудники которого в порыве энтузиазма решили поболеть прямо на рабочем месте. Просторный зал с неприятно низким потолком был уставлен каталками, друг от друга их отделяли невысокие пластиковые ширмы того же пронзительно белого цвета, что и стены в коридоре. К некоторым больным были подключены мониторы, рядом на хилых столиках лежали папки с медицинскими документами, которыми пациенты успели обзавестись за время путешествия на «скорой». Желтые стикеры с номерами палат, которыми врачи помечали каталки, доводили ощущение офиса до пугающей реалистичности.

Немного поплутав по лабиринту перегородок, Медведь заметил край ярко-брусничного платья, выбившегося из-под простыни, и потопал в его сторону. Обогнув еще пару ширм, он увидел Матрешку целиком и открыл было рот, чтобы узнать о самочувствии, ободрить и рассказать несколько случаев из жизни, когда все начиналось вот так же плохо, а за-

кончилось более чем благополучно. Но та прижала палец к губам, замотала головой и вытаращила глаза, всеми силами призывая Медведя молчать и затаиться. И кивнула на соседнюю ширму. Медведь заглянул туда и встретил недобрый взгляд врача, который осматривал дородную даму с радикулитом. Из-за следующей ширмы доносились мужские голоса, они о чем-то спорили. Ничего подозрительного Медведь не заметил и вернулся назад. Цепь на шее звякнула, Матрешка вперила в него недобрый взгляд и снова прижала палец к губам.

В коридоре слышались шаги и отрывистые команды. Вскоре в дверях появился высокий сухопарый врач, толстые стекла его очков почти полностью скрывали близорукие маленькие глазки. Врач пошарил взглядом по залу, нашел брусничное платье Матрешки и двинулся напрямую к ней, задев попутно несколько ширм. Одна из них при этом опрокинулась, и соседи, которых она разделяла, с любопытством уставились друг на друга.

– Та-а-ак, что тут у нас, как дела? – громогласно спросил врач, надвигаясь на Матрешку. Та нырнула под простыню и притворилась спящей. Врач тем временем на ходу пролистывал записи, разыскивая те из них, что касались Матрешки.

– Как себя чувствуем? Что болит? Виски пили? – продолжил он опрос, но заметил, наконец, некоторый дефицит ответов.

– Что она, спит? – перешел он на полусшепот. – Это нехо-

рошо после такой аллергической реакции! Мы же ей адреналин вводили, а она спит. Нет, это нехорошо! – и он наклонился над Матрешкой, осматривая ее голову со всех сторон. Потом протянул шершавую от постоянного мытья руку к Матрешкиному глазу, уперся пальцами в веки и широко их раскрыл, придав глазу изумленный вид. Матрешка вытаращилась принудительно открытым глазом на мучителя, отдернулась и заморгала.

– Чувствуете сонливость? – чуть громче осведомился врач. Матрешка покивала, сладко зевнула и запрокинула голову на подушку, доступно показывая, что она без сил.

– Нет, нехорошо, – твердо сообщил врач. – Отвезем-ка мы ее на всякий случай в интенсивную терапию, пусть ее там понаблюдают, – и взмахом подманил санитаря, который проходил мимо.

Каталку с матрешкой вывезли в проход и повезли к лифту – как раз в ту сторону, откуда слышались из-за ширмы мужские голоса. Матрешка мирно посапывала и даже, войдя в роль, пару раз дернулась всем телом, как это бывает при засыпании у некоторых нервических натур. Врач начал негромко рассказывать Медведю о пролиферации лимфоцитов и движении иммунных клеток, умело изображая все в лицах. Но едва они поравнялись с голосами, которые спорили все громче, Медведь понял, почему Матрешка боялась выдать себя. За ширмой расположились те самые продавцы сувениров со смотровой площадки, которые пытались увез-

ти ее в багажнике. Здоровый бугай лежал животом на каталке и был перебинтован поперек тела, при этом на спине под бинтами бугрилась вата, сквозь которую проступала кровь. Видимо, карданный вал, под которым он застрял в попытке укрыться от медвежьего гнева, долго его потом не хотел отпускать. Тощий морщинистый похититель сидел рядом на стуле и нянчил свое загипсованное запястье – размахивая руками во время бегства со смотровой площадки, он пронесся слишком близко от дорожного знака.

– Ты же теперь и виноват, что упустил! – ворчал он. – Кто тебя просил на себя это брать?

– Сказано было: увидим – сразу звонить... – оправдывался второй.

– То-то и оно! А ты полотенцами вязать!

– А ты – нет, что ли?!

– Тебя ж не остановить, я решил – ну доставим, благодарнее будут.

Худосочный похититель почувствовал взгляд, повернулся и уставился на Медведя. Мало кому доводилось видеть, как человек мгновенно, на глазах, потеет. А Медведю вот довелось. Похититель моментально покрылся испариной, а морщины, и без того делавшие его похожим на печеное яблочко, пролежавшее пару суток в антисанитарных условиях, сгустились еще сильнее. Он вскочил со стула, попытался сбежать в сторону стены, вернулся, буркнул неясное ругательство и скрылся от враждебного мира в глубокий обморок.

Что с ним, кстати, случилось довольно часто. Хотя он очень этого стеснялся и всякий раз, придя в себя, старался выдать отключку за розыгрыш.

Врач прервал увлекательный рассказ о том, как макрофаги пожирают зараженную вирусом клетку, и встревоженно глянул поверх очков на похитителя, который свалился как раз ему под ноги.

– Что такое? Что? Вам плохо? Что болит?! – но снова не получил ответов. Напарник обморочного торговца натянул простыню до носа и смотрел на Медведя в ужасе, также избегая высказываться.

– Так, матрешку везите, а сюда бригаду срочно, – командовал врач санитару, – этого тоже в интенсивную терапию, будем разбираться, – санитар кивнул и повез Матрешку дальше, доставая на ходу рацию.

Когда они подъезжали к лифтам, навстречу уже бежали двое врачей, громыхая пустой каталкой и натягивая на ходу перчатки. Матрешка встревоженно приоткрыла один глаз и скосила его в сторону шума.

Остановив плавный бег каталки возле лифта, санитар стал обшаривать карманы халата, затем осмотрел Матрешку, заглянул зачем-то под простыню.

– Черт, забыл документы ваши! – пробормотал он. – У врача остались, забыл взять. Сейчас сбегая возьму, – и он трусцой удалился назад за картой. Учет и контроль в главной больнице Города соблюдались неукоснительно.

– Не заметили? – вскинулась Матрешка, едва санитар убрался с глаз. – Они нас не видели?

– Меня видели, – признался Медведь, – но у них какая-то нездоровая реакция на меня была. А я же вообще молчал и ничего не делал. Одного сейчас тоже в интенсивную терапию повезут.

– Вот это номер! – всполошилась Матрешка. – Это что же, я с ним буду там одна в палате?!

Из приемного покоя появился санитар с добытой картой в руках. Но не один. Рядом с ним шел, поблескивая очками, тот самый высокий врач, что осматривал Матрешку. А следом двое его коллег везли каталку с похитителем – тот уже пришел в себя и что-то объяснял, помахивая рукой в гипсе.

– Мне уже лучше! – сообщила Матрешка врачу, садясь на каталке. – Намного лучше, спать уже не хочу!

– Святые угодники, да у нее гиперактивность! – пробормотал врач, сдвигая на нос очки. – Это нехороший признак, очень нехороший. Дайте-ка ей успокоительное и в интенсивную терапию!

Услышав знакомый голос, похититель привстал на каталке и оглянулся. Посмотрел на Матрешку и перевел взгляд на Медведа. Который уже совершенно не понимал, как себя вести в такой неловкой ситуации, поэтому просто дружелюбно помахал.

– Больной снова без сознания! Пульс! – заголосил врач, наметанным глазом заметив перемены в состоянии похити-

теля еще до того, как расслабленное тельце сползло к краю каталки. – Где лифт? Скорее! Пульс держите!

– Мне уже лучше! – напомнила Матрешка и дернулась – санитар равнодушным ловким движением сделал ей укол в плечо.

Двери лифта раздвинулись с торжественным жужжанием, и прибывшую в нем стайку медсестер впечатало обратно криками врача, который требовал расступиться. Каталку с похитителем втокнули в лифт одним пинком, медсестры выпорхнули-таки на этаж, просочившись где-то с краю, следом за первой в лифт втянули и каталку с Матрешкой. Медведь шагнул было следом, но врач выкрикнул, нажимая кнопку верхнего этажа:

– Нельзя! Потом! Ждите!

С тем и уехали. Медведь стоял на опустевшей вдруг площадке. И очевидно было, что Матрешка снова в опасности – едва она останется с похитителем одна в палате, тот снова набросится на нее и свяжет. А напарник вызовет тем временем подмогу. Повезло им, ничего не скажешь. Медведь был мрачен, он негодовал. Гуманизм и чувство справедливости, заставившие его прийти на выручку Матрешке, тихо передали своего подопечного из рук в руки воинственному азарту. Который и повел дальше, как умел.

Через пару секунд коридор больницы огласил медвежий рев – но не тот, что снес, как тайфуном, половину населения смотровой площадки, а тонкий, жалобный. Не рев, скорее, а

стон. Да, стон и плач одновременно. И вой. С оттенками жалобы и безысходной тоски. Медведи так тоже умеют, имейте в виду. Прибежавшая на скорбный звук медсестра обнаружила Медведя, скорчившимся перед лифтом в позе острого страдания и причитающим на все лады.

Коридор снова пришел в движение. Санитары забегали, громыхая очередной каталкой и волоча капельницы, медсестры возбужденно стрекотали по телефонам и рациям, больные тоже потянулись на шум и с любопытством выглядывали из приемного покоя, желая знать подробности. Подошел один из дежурных врачей, позвал медсестру, а потом не стал дожидаться и прикрепил на грудь Медведю пару датчиков, от которых тянулись проводки к переносному монитору. Датчики тут же отвалились от шерсти. Дежурный посмотрел на них укоризненно и обратился к пациенту:

– Испытываете боль в области средостения?

Медведь понятия не имел, где находится область средостения, но на всякий случай покивал и застонал, ожидая немедленной отправки наверх, в компанию к Матрешке и нервному злоумышленнику. Который наверняка еще не успел на нее покушаться и появление мохнатого хищника в цветастой юбке, грозы всех похитителей, будет своевременным.

– Вот и хорошо! – обрадовался врач своей прозорливости. – Вот и замечательно! Отправляйте! – скомандовал он санитарам и вынул вдруг из кармана наполненный уже

шприц. – Вы не нервничайте! Сейчас вам уколою успокоительного, полечат вас, все будет хорошо, – и не успел Медведь выразить свое мнение по этому поводу, как получил осязаемый укол в ляжку. Боль от укола расплылась по бедру, быстро нарастая, а потом вдруг прошла – врач выдернул иглу и бросил шприц обратно в карман.

– Выздоровливайте! – отечески улыбнулся он Медведю и исчез из поля зрения.

Вопреки советам медика, Медведь подумал, что сейчас-то как раз и пора бы начинать нервничать – если он заснет, то никакой внятной помощи Матрешке точно не окажет.

«Что? Нервничать? – отозвался на эти мысли организм. – Да, и правда. Почему бы и нет», – и организм зевнул, а во всех его конечностях образовалась приятная тяжесть. Впадающего в сон Медведя завезли в лифт, но отправили почему-то не наверх, а вниз. Помелькав этажами сквозь стеклянные двери, лифт с гулким щелчком присел на самый нижний из них. Каталку бодро перегнали через темный холл с редкими лампами дневного света и двумя крошечными для такого помещения окнами, после чего вывезли во двор – там поджидала «скорая» с распахнутыми задними дверями. Медведь равнодушно наблюдал, как вокруг суетятся люди, затаскивая его внутрь машины, измеряя давление и выслушивая грудную клетку с помощью стетоскопа. Никакого интереса это не вызывало, и очень хотелось, чтобы все они перестали шуметь и дали, наконец, поспать. Только чувство

долга, оставшееся, как и весь Медведь, совсем без сил, слабо требовало воспрять духом и придумать что-нибудь для спасения Матрешки. Требование, впрочем, было заведомо невыполнимым. Пока машину потряхивало на поворотах и трамвайных путях, Медведь еще способен был таращиться на медиков и с опозданием отвечать на ставшие решительно непонятными вопросы. Но приехали быстро, из «скорой» вынули аккуратно, прокатили через мрачные ворота серого камня бережно. Медведь успел заметить дикий виноград, обвивший здание до самых карнизов готических зарешеченных окон, – в сумерках его заросли казались огромным и очень растрепанным существом, которое прилегло вздремнуть у нагретой дневным солнцем стены. По фасаду тянулась выложенная рельефными бронзовыми буквами вывеска: «Городская ветеринарная клиника имени Ласло Бремера».

Согласно официальной истории Города этот уважаемый гражданин служил шкипером на одном из кораблей Ост-Индской компании. Оказавшись на Маврикии, он не стал есть последнюю оставшуюся в живых птицу додо, а перебинтовал ей сломанный клюв и отпустил на волю. Сувенирные фигурки моряка с довольным додо на руках до сих пор хорошо продаются в Городе. Особенно в праздничные дни, когда туристы истаптывают все закоулки в поисках чего-нибудь любопытного. В пересчете с местной валюты моряк с птицей стандартного размера обойдется вам примерно в 7,55 евро,

большой – около 15 евро. Скидок обычно не бывает.

Итак, бодрящая тряска прекратилась. Каталку с Медведем мягко загнали внутрь, провезли через темную душную комнату, где сильно пахло енотами, и свернули в помещение, похожее в полумраке на средневековый каземат, неумело превращенный в ночлежку. Там пациента сгрузили на низкую широкую койку, привинченную к полу, после чего гроыхнули решеткой на выходе. В темноте кто-то храпел, из других комнат доносились пiski и возня. Запах был нехорош, он напоминал о нечищенных цирковых подсобках, грустных больных собачках и костном бульоне с витамином А. В другое время Медведь впал бы в острую панику, а затем – в беспросветную депрессию. Он ненавидел ночевать вне дома, ему нужны были горячая ванна и скраб из абрикосовых косточек, утром он привык съесть семь тостов с печеночным паштетом и выпивать латте с корицей. С ним даже не было пилочки для когтей на случай, если какой из них вдруг сломается. Но сейчас ему все это было совершенно безразлично. Он устал сопротивляться снотворному. Да и смысла-то в этом не видел – как отсюда выбираться, он понятия не имел. Поэтому просто зевнул и еще до того, как сомкнул челюсти, принялся смотреть первый сон из долгой очереди ожидавших его в эту ночь.

– Подъем, подъем! Просыпайся давай! Не спи! – Медведя тормошили, щипали сквозь юбку, толкали кулаком в

бок, громко шипели на ухо. – Вставай давай, уходить пора! Сколько можно спать!

Медведь приподнял веки, ожидая увидеть свою спальню и шкаф в колониальном стиле (цельный палисандр, ручная резьба, отделка ротангом), который стоял справа по ходу сна и первым делом попался на глаза по утрам. Но взгляд уперся в неряшливые бумажные обои – они отклеивались от стены лохмотьями и открывали миру крошащуюся штукатурку. Сзади продолжали толкаться и шипеть. Он тяжело перевалялся на другой бок, пытаясь сообразить, почему в комнате так темно, а потолок такой высокий, и обнаружил с другой стороны койки Матрешку. Она недовольно уставилась ему на нос, будто обнаружив производственный брак.

– У тебя на носу побелка! – и повозила рукой, как если бы это была ее собственная сумочка, на которой нашлось пятно. – Пошли отсюда, утро уже. Скоро врачи придут, будут тебя лечить. А ты ж притворялся, когда там завывал?

– Ты как сюда попала? – отрывки воспоминаний о вчерашних событиях наконец составили в сознании Медведя нечто вроде видеоклипа. – Ты как оттуда ушла? А сюда как попала?

– Ты уже спрашивал, – сухо ответила Матрешка, помогая Медведю подняться с койки.

– Когда? – удивился он.

– Только что! Тише говори, в соседней комнате – еноты с синдромом Линдси-Лохан.

– Это опасно? – испугался Медведь.

– Еще как. Абсолютно непредсказуемы. Пошли, только тихо, – и Матрешка повела Медведя через анфиладу комнат к выходу. Бережно распахнула решетку с тройным замком, пропустила его вперед и аккуратно прикрыла конструкцию без единого лязга.

– А как у тебя получилось открыть решетку? Как ты сюда попала? – допытывался Медведь, пока они пересекали запущенный, поросший чем попало двор. Матрешка молча потрясла у него перед носом небольшой связкой ключей, растянула молнию поперек платья и закинула их внутрь себя. Ключи бухнулись с глухим звоном, по звуку судя, – на пластиковый контейнер для офисных завтраков или снарядную гильзу.

– Где ты их добыла?

– Да зачем тебе знать! Добыла и добыла! – нервно воскликнула Матрешка.

Приставать с расспросами Медведь не стал, поэтому через пару минут молчания она заговорила сама.

– Подарила кое-что охраннику, он и отдал ключи.

– Ты подкупила охранника?! – изумился Медведь.

– Договорилась, – надменно поправила его Матрешка. – У меня была шкатулка для драгоценностей, такая пестренькая, из темного хризолита в золотой оплетке, очень красивая. Мне тетя подарила, – и Матрешка погрустнела.

– Ты любишь тетю, да? Это было на память? – приготовился Медведь поговорить о личном.

– Да нет, строго говоря, нам друг на друга вообще наплевать. Просто она довольно обеспеченная дама и всегда дарит хорошие подарки. Хризолит в золоте, ты представь!

– Спасибо! – расчувствовался Медведь. – Спасибо тебе большое. Я потом ее выкуплю и верну, обязательно!

– Не говори глупости! – отрезала Матрешка. – Не могла же я тебя здесь оставить!

Конечно, она немного рисковала. Многие в Городе знали, что решетку на дверях старой ветеринарной клиники не запирали уже давным-давно. Пациенты могли ночью захотеть пить, а персонала не хватало в ожидающем ремонта заведении. Не было даже хирурга-слонолога, не говоря уж об охранниках. Поэтому все замки и засовы были отперты, чтобы любое приболевшее животное могло ночью выйти во двор к фонтану.

Но Медведь нечасто жаловался на здоровье и в клинике до сих пор не бывал ни разу. Само ее существование стало для него сюрпризом – до сих пор он был уверен, что все жители Города лечатся одинаково, кем бы они ни были. А вид могучих решеток на дверях и окнах, оставшихся с тех времен, когда животные еще не имели гражданских прав, так его поразил, что он легко мог поверить в продажного охранника, как раз несущего в ломбард чужую семейную реликвию. Следуя трусцой за Матрешкой, которая бодро скользнула из ворот на узкую, еще не проснувшуюся улицу, Медведь отчетливо почувствовал неприятную ломоту в районе желудка

и тяжелое оцепенение в плечах. Это было оно, знакомое и ненавистное ему чувство вины.

Утро еще только выползло из-за гор, окружающих Город. Трава на обочине и обвивавшие стены домов плющ и виноград были мокрыми от росы. Низ Матрешкиного платья вымок и хлопал, как флаг во время шторма. Сама она дрожала от холода и огрызалась на Медведя, который все приставал с расспросами, как ей все-таки удалось уйти из больницы рано утром, миновав стандартные обследования. Да еще из палаты интенсивной терапии, где пациента опутывают проводами и усаживают датчиками так, что он и глазом не всегда моргнет без того, чтобы об этом не просигналил какой-нибудь неожиданно голосистый светодиод. Не говоря уж о том, что рядом был хитрый похититель, только и ждавший удобного момента.

– Давай потом! – пресекла Матрешка поток любопытства. – Я кофе хочу! Все потом! – и прытко устремилась к мосту, что как раз вынырнул из-за угла старой фарфоровой фабрики – длинного кирпичного здания с огромными решетчатыми окнами, уходившими под плоскую крышу. В незапамятные времена здешние умельцы копировали мейсенские вазы, а их потомки, обучившись ремеслу, принялись продавать по миру фарфоровые фигурки пастухов с пастушками, козочек доброй наружности и райских птиц несуществующих пород. Все это биологическое разнообразие полюбилось коллекционерам, фабрика разбогатела и отреставри-

ривала не только саму себя, но и соседний мост – ажурную стальную конструкцию, густо покрытую заклепками. Массивные опоры из тесаного камня, каждая у своего берега реки, выросли из мутноватой серой воды и подхватывали снизу полотно моста. А затем росли дальше вверх металлическими арками кружевного вида, крашеными, как и все сооружение, в темно-зеленый цвет. Две сетчатые стальные балки, изогнувшись зеленой волной, взмывали по краям моста к ближайшей арке. После чего плавно снижались, чтобы цепко ухватить пролет посередине и снова взмыть вверх к арке у другого берега. Устав от этих метаний, они окончательно опускались с той стороны реки и укоренялись на набережной гранитными тумбами с бронзовыми скульптурами на них.

Как настоящий столичный житель, Медведь очень гордился местными достопримечательностями, но ни разу не видел их вблизи, вечно откладывая знакомство на потом. Заглядевшись на фабрику, которая, оказывается, имела с обратной стороны пристройку навязчиво-современного вида из чрезвычайно стальной стали и преувеличенно стеклянного стекла, он забрел на трамвайные пути. И отпрыгнул, только когда перебиравшийся через мост угловатый желтый вагон затрезвонил у него почти над ухом. Трамвай прогремел мимо, ушел с моста в поворот и, помелькав среди узоров мостовых перекрытий, вновь появился целиком уже едущим по набережной. Сутулый рыбак, который с безнадежным оптимизмом взирал с парашюта на свой поплавок, сердито поко-

сился на шумный транспорт. Можно было подумать, что тот спугнул не ленивого карася, а по меньшей мере стаю тунцов.

Перебравшись на другой берег и глянув еще раз на фабрику с другого ракурса, Матрешка с Медведем направились к развилке дороги с намерением найти место, где могли бы ждать гостей сэндвичи, кофе, а может, даже и омлет с каперсами. Небольшие, с любовью оштукатуренные домики под краснобурыми черепичными крышами сгрудились вокруг развилки, словно в ожидании какой-нибудь особенно живописной аварии. На одном из них виднелась крупная затейливая вывеска. В ее вензелях при некоторой подвижности ума можно было угадать аллегорическую вилку. Это был добрый знак, и он не обманул ожиданий – под вывеской нашлось не кафе даже, а целый ресторан. Застекленное меню при входе обещало много больше, чем вездесущие подсушенные багеты с мясом неизвестных животных и вкусом мировой скорби. А вытесанная из дерева фигура насупленного бородатого мужчины с брюшком, обтянутым кольчугой, и секирой в руках намекала на традиционность здешних вкусов. Скульптурное изделие стояло справа от входа и смотрело на гостей безо всякой симпатии. Что, впрочем, никого не останавливало.

Как ни странно, кухня уже работала – за толстоногими деревянными столами в зале кто-то уплетал завтрак, компания блеклых ночных гуляк подкреплялась кофе, а упитанный господин в костюме читал газету, мелко обгрызая круас-

сан. Матрешка бухнулась на стул с резной спинкой, тут же заказала латте и принялась листать меню. Медведь наметанным глазом опытного гурмана выявил в длинном перечне деликатесов то, что могло скрасить ему утро, и тут же сообщил об этом еще сонному, но уже резвому официанту. Отсутствие ужина дало о себе знать, Медведь был намного голоднее, чем обычно по утрам. А он и так на недостаток аппетита никогда не жаловался.

Официант умчался, буквально тут же вернулся с латте для Матрешки и снова унесся в недра ресторана. Однако вновь появился, теперь уже с салфетками, и опять ушел.

– Что он мелькает?! – раздражилась Матрешка, но сразу отвлеклась, чтобы снять ложечкой густую пенку с коричневым узором, съесть, причмокнуть, а после сделать продолжительный горячий глоток. От стакана она оторвалась уже слегка подобревшей. Кокошник ее, съезжившийся на холоде, сразу порозовел и окреп.

– Надеюсь, врачи меня не станут искать, – задумчиво сказала Матрешка, – еще только погони на «скорых» не хватало.

– С чего им за тобой гнаться? У тебя же не сибирская язва, вроде! Ушла и ушла.

– Пришлось им немного повредить оборудование, чтобы уйти, – хихикнула Матрешка, – но совсем чуть-чуть!

– Ты сломала им оборудование?! – встрепенулся Медведь, который скучал в ожидании закуски, разламывая зубочистки на мелкие кусочки и пытаясь уложить из них пирамидку. –

Ты представляешь, сколько это все стоит?

– Да и не сломала даже, – махнула рукой Матрешка, – когда они меня подключили ко всем этим мониторам и ушли, я выдернула штекер и смазала лаком для ногтей.

– Чтобы тебя ударило током прямо в интенсивной терапии? Предусмотрительно.

– Очень смешно, – надулась Матрешка. – Лак не проводит ток, поэтому все выключилось.

– А смысл? Сразу ведь набежала толпа врачей?

– Да, набежала. Смотрят – я сплю, аппарат включен в розетку. Потыкали кнопки – ничего не работает. Они мне пульс пощупали, в глаза фонариком посветили, сказали: «Спите дальше, не волнуйтесь, у нас тут техника сломалась, мы вам поменяем». И пошли из палаты, обсуждая, где взять другой монитор – везти из соседнего корпуса или найти где поближе.

– Ну, ну? – Медведю уже принесли салат из свеклы с козым сыром, белые кубики, сбрызнутые зеленоватым оливковым маслом, выглядывали из-под рубиновых ломтей, в салатных долинах и впадинах виднелись россыпи кедровых орешков. Но он лишь помешивал рассеянно вилкой, отчего свекла крошила, плющила и кровавила своим соком мягкотелый сыр, показывая, кто, по ее мнению, в салате главный. – Ну, и дальше?

– Как они вышли, я встала – и к окну. Там широкий карниз, а метрах в четырех сбоку – пожарная лестница. Ну мне-

то карниз – не проблема, да и лестница тоже.

– Там же пятый этаж!

– Я так прилипну – не то, что упасть, динамитом не оторвут.

– То есть ты просто слезла и ушла?

– Ну да. И поехала тебя спасать.

– А как ты узнала, где я?

– У санитаров при входе спросила. Скорая обычно возит в больницу, а вот из нее – это редкий случай. Так что они тебя запомнили.

– Ты что, не заснула после успокоительного?

– Приняла энергетик, у меня оставалось немного.

– Ничего себе! Он перебил даже снотворное?!

– Ну, это довольно сильный энергетик, – немного смутилась Матрешка.

– И продавец тебя не пытался задержать?

– Так я ему сразу сказала, что ты в соседней палате, сейчас позову. Он буквально умолял ничего тебе не говорить. Как раз пришли его друзья – ломились в отделение, скандалили. Он им сам сказал, чтобы уходили, иначе я медведя спущу. Очень они тебя боятся теперь.

– Ну и ну... – Медведь смотрел на Матрешку во все глаза, поражаясь такому коварству. К нижней губе его пристал листок базилика, а в шерсти на подбородке застрял избежавший расправы кусок свеклы, но он продолжал есть наощупь, захваченный рассказом.

Была, правда, какая-то нестройность в Матрешкиной истории. Как фальшивый полутон, промелькнувший в песне так быстро, что и не скажешь точно – был ли он или показалось. Как чужеродный фрагмент пазла, который подошел по форме в самый центр пиратского корабля, но вместо старинного компаса вдруг украсил картину ухом Микки Мауса. Как... Впрочем, довольно образов, вам наверняка знакомо это ощущение. Медведь хотел что-то уточнить, но сам не понимал – где пробел, в чем несостыковка? Он сосредоточился и почти уже увидел участок ряби на ровной глади повествования. Вот она, неясность, еще немного – и выскочит миной-лягушкой из-под ног, потребует разъяснений. Но тут официант стал приносить горячее и спугнул робкое озарение.

Нежно глядя жареным глазом, прибыла с гриля форель. Медведь с энтузиазмом схватился за вилку – он питал к любой рыбе глубокую симпатию, особенно если она являлась в компании баклажанов и цуккини, как сейчас. Перед Матрешкой тем временем поставили тарелку с мясным рагу, которое считается в Городе подходящим блюдом на любой случай – от ужина при свечах до обеда при ноутбуках. Полоски мяса плавали в густом соусе, оттенок его предупреждал о близком родстве со жгучей венгерской паприкой. Рядом с мясом размокала и пропитывалась остротой горка клецок.

На пару минут повисла тишина. Медведь сосредоточенно уплетал форель, на забывая про овощи, Матрешка с подо-

зрением ковыряла рагу. Съела два кусочка, пожевала клецку и напряженно отложила вилку.

– Официант! – позвала она пронзительно и тем тоном, который обычно не обещает сфере услуг ничего хорошего. – Официант, подите-ка на минутку!

Тот кивнул, показывая, что слышит, и продолжил сгружать с подноса завтрак компании молодых и от этого очень серьезных клерков. Судя по галстукам в полоску, у них были обширные планы на жизнь, а судя по оладьям с абрикосовым джемом – отменный аппетит. Матрешка смотрела на официанта, не отрываясь, кокошник ее увеличился и стал темно-красным. Медведь настороженно покосился на него – что, опять?!

– У тебя кокошник подрос! – озабоченно сообщил он. – Все в порядке?

– Да, – Матрешка продолжала буравить взглядом официанта, который закончил с клерками и направился в ее сторону. – Спасибо, что удостоили меня своим вниманием!

– Всегда рад помочь, – изобразил улыбку официант, которому злая ирония давно уже была как носорогу дробь. – Слушаю вас!

– Это что? – ткнула Матрешка в свою тарелку.

– Это мясное рагу с клецками, – сообщил официант, приглядевшись.

– Я читала меню. Что это за мясо?

– Говядина! – сообщил официант с такой гордостью, будто

лично ее изобрел.

– И вы, видимо, хотите сказать, что она свежая?

– Безусловно! Свежайшая говядина, сегодня утром с Центрального рынка.

– А что же вы тогда соус такой острый сделали?! – воскликнула Матрешка с победным ликованием.

– Простите? – недоуменно переспросил официант. – Вам не нравится соус?

– Если мясо свежее, зачем тогда соус такой острый? – продолжала уличать его Матрешка. – Вы же делаете соус для того, чтобы замаскировать тухлятину! И чем острее соус, тем, значит, хуже мясо! Это всем известно!

– Да ты что! – в недоумении вклинился в конфликт Медведь.

– Да вы что! – в ужасе воскликнул официант. – Соус должен быть таким острым согласно традиционному рецепту, который существует уже более трехсот лет! В него входят паприка, базилик, протертый жареный лук, тимьян...

– Не продолжайте, – презрительно бросила Матрешка, – не интересно! И тухлое мясо, оно тоже в него входит!

– Уверяю вас, мясо совершенно свежее, – с трудом взял себя в руки официант. – Если пожелаете, могу проводить вас на кухню и вы убедитесь сами!

– Делать мне больше нечего, – Матрешка фыркнула. – Ладно, включите это в счет, но есть я это не буду. Принесите мне капучино и круассан.

– Как пожелаете, – скорбно отчеканил официант и удалился в сторону кухни с видом царицы Екатерины, не прошедшей фейс-контроль в монгольском клубе свингеров.

– Что ты говоришь, с чего им вдруг мошенничать, – Медведь придвинул к себе тарелку и отправил в рот кусочек рагу, – отличное мясо, совершенно свежее!

– Ну да, – хмыкнула Матрешка, – Ешь, ешь, посмотрим, что с тобой будет часа через два. Это ты сейчас ничего не чувствуешь, потому что паприка все отбивает. В ресторанах всегда жульничают, при любом удобном случае. Я уверена, что это вообще не говядина, а какая-нибудь больная белка, – она взяла с тарелки круассан, принесенный мрачным официантом, и стала вяло его жевать, запивая капучино, пока Медведь потягивал чай с имбирем, тоскливо, но опасливо поглядывая на почти полную тарелку мяса и клецок.

Наступила пауза, конфликт еще висел в воздухе, как дым от лесного пожара. Разогнать его могла только светская беседа, легкая, как щебет коноплянки. К ней Медведь и приступил без особого, впрочем, успеха.

– Какие дальше планы, что сейчас будешь делать? – спросил он с преувеличенным интересом, как обычно спрашивают чужих детей об успехах в тригонометрии.

– Поеду к колдунье, – ответила Матрешка очень серьезно и совсем несветски. – И я думала, вообще-то, что ты меня проводишь.

– Куда? К какой колдунье?

– Она живет за южным пригородом, в лесу. Вот от этой развилки, которая перед рестораном, надо взять направо и ехать минут сорок. Потом будет полицейский пост, а чуть дальше поворот налево в лес, там должны быть указатели.

– Ты веришь во всю эту чушь? – покачал головой Медведь.

– Нормальные координаты, почему чушь! – вскинулась Матрешка.

– Я про колдовство. Она тебя просто постарается обобрать и расскажет разную ерунду...

– Меня колдовство мало волнует, там моя внутренняя матрешка. Я этому торговцу напомнила, что ты в соседней комнате, надавила чуть-чуть, и он рассказал, что они ее продали этой колдунье.

Медведь не особенно много знал о жизни матрешек и никогда не читал монографию Марвина Джеймса «Матрешки: их сущность, бытие и диета». Но точно помнил, что матрешки обычно живут одна в другой, чем и знамениты. Поэтому не мог удержаться от любопытства.

– Почему она вообще оказалась в продаже? Они же все должны быть в тебе, разве нет? Все семь штук?

– Да нет, я их все продала, – равнодушно бросила Матрешка, отхлебывая еще капучино. – Шесть штук. Седьмая – я сама.

– В смысле, продала? Кому продала?

– Я их отдала скупщику, который перепродает матрешек через разные точки. Ну и если матрешку покупают, я с этого

получаю долю.

– А как так может быть? – изумился Медведь. – Вы ведь не можете отдельно существовать!

– Можем, можем, – заявила Матрешка авторитетно, утирая рот салфеткой, – на самом деле можем. Просто внутренние матрешки без главной как бы замирают. Почти не двигаются, не разговаривают. Так, предмет интерьера. Они поэтому такие и продаются – маленькие и тихие. Это все внутреннее.

– А тебе ничего?

– А мне ничего, – усмехнулась Матрешка, – я же главная, большая матрешка! Это я им нужна, а сама-то могу без них обойтись.

– Но зачем-то это надо, чтобы вы жили одна в другой! Если природой так задумано! – генетику Медведь тоже плотно не изучал, но сейчас подумал, что это было бы довольно занимательно.

– Да мало ли что природой задумано! – удивилась Матрешка. – Она вон и вирус Эбола задумала, и индийские автомобили, что ж теперь.

– Продавать-то зачем? Чем они мешали? – не унимался Медведь.

– Я собиралась на кастинг в модельное агентство, надо было вес сбросить. Внутренние матрешки знаешь, сколько весят! Как половина меня!

– Прошла?

– Прошла, но потом контракт не устроил. А возвращать их уже не хотела – так сразу легко стало, я прямо летала! Даже в голове так спокойно-спокойно, и прозрачно, чисто. Никаких лишних волнений.

– Так зачем тебе к колдунье за матрешкой, если без них лучше? – удивился Медведь. – Тебя на смотровой площадке за это связывали? Ты у них пыталась матрешек назад забрать?

– Не забрать, просто узнавала, куда их дели. А меня, оказывается, уже искали.

– Кто искал, зачем?

– Долгая история, – Матрешка поджала губы, и вокруг них очертились злые морщины. – Расплатись и пошли, по дороге расскажу.

Медведь хотел было заартачиться. Ведь он пока что ничего не обещал. И, откровенно говоря, вовсе не горел желанием ввязываться еще в какие-то рискованные затеи. Его размеренная жизнь и так уже совершила за эти два дня диковинный кульбит, который неизвестно, чем закончится. Если торговцы его так панически боятся, значит, и на смотровой площадке его репутация сейчас не на высоте. С другой стороны, Матрешка вызволила его из ужасной, негигиеничной ветеринарной клиники, где микробы и паразиты причудливых форм наверняка уже сползались к нему, спящему, чтобы устроить свой жуткий пир. Медведь так ярко увидел эту картину, что его передернуло. И он снова почувствовал себя

очень обязанным Матрешке. В конце концов, из-за его выходы у лифта она чуть не попала в лапы похитителей, была вынуждена бежать по пожарной лестнице. Это стоило того, чтобы помочь. Да и льстило Медведю, что впервые в жизни его зовут постоять за спиной и обеспечить безопасность. Эти колдуньи ведь сложные натуры. А к сложным натурам всегда лучше ходить с медведем.

Глава III

Дорога раздваивалась от ресторана, как река, поделенная скалой. Левое ответвление, мощеное булыжником и застроенное домами антикварно-пряничного вида, давно стало прибежищем для кофеен и бутиков. И, конечно, вездесущих магазинчиков, где грустные приветливые люди продают рукодельные салфетки, аляповатые украшения из дешевого серебра с бирюзой и увесистых чугунных кошек для украшения интерьера. Как они сводят концы с концами – неведомая тайна, еще ждущая своего пытливого исследователя. Правый же рукав дороги вел прочь из города, по нему Матрешка с Медведем и двинулись.

Вскоре они вышли на небольшой мост через скоростную трассу, что шумела внизу, как горная река. Медведь на секунду задержался, любуясь сверху на перспективу. Восьмиполосное шоссе уходило за горизонт и было похоже на вену, вскрытую вдоль. Потоки машин слаженно неслись, как эритроциты, по своим срочным и безотлагательным делам,

а оттуда, из-за горизонта, такой же непрерывной вереницей летели их близнецы в обратном направлении – по делам не менее важным. «Вот бы им поменяться делами вместо того, чтобы меняться местами!» – подумал Медведь экологически чистую мысль, но тут же отогнал ее прочь. Он был сторонником прогресса и только изредка, надышавшись городскими выхлопами, живо представлял себе всю прелесть массового перехода на велосипеды, ролики, пони и ручные дрезины.

Матрешка тем временем перешла мост и уже стояла на обочине, активно сигнализируя проезжавшим машинам, что ей вон туда – да-да, туда же, что им! Увидев, как возле нее затормозил истрепанный годами и километрами мини-вэн «фольксваген», Медведь поспешил подойти. Знаете, как это бывает с ловлей машины – всегда чувствуешь каким-то неизвестным науке органом возле солнечного сплетения, что вот этот точно подвезет. Так и вышло. Матрешка помахала, призывая Медведя поторопиться, и отодвинула для него широкую боковую дверь, сама же залезла на переднее сиденье.

– Добрый день, – поздоровался Медведь тоном, пресным, как маца. Он знал, что водители часто изливают душу, но не любил, когда это делали на него. Поэтому всегда старался найти золотую середину между вежливостью и беспорядочным братанием.

– Добро пожаловать! – седой водитель широко улыбнулся, и стало ясно, что общение состоится, несмотря ни на что. На нем была бейсболка, которая признавалась в любви к Нью-

Йорку, и очки с толстыми стеклами – одну их дужку водитель вылечил от перелома с помощью скоча. На зеркале болтались сразу три ароматизатора, а на рычаге переключения передач вместо штатного набалдашника красовалась деревянная ручка от зонта. Все это обещало поездку увлекательную и наполненную новыми смыслами. Едва машина тронулась, опасения начали сбываться.

– Ну, рассказывайте! – потребовал водитель так радостно, будто они расстались только вчера, а до этого были знакомы целую вечность.

– Что? – удивилась Матрешка.

– Ну как, вообще все! – удивился водитель. – Есть ведь такая традиция, что пассажиры что-то рассказывают, ведь правда?

– Не уверена, – засомневалась Матрешка, делая слабую попытку избежать задушевной беседы.

– Есть-есть! – подтвердил водитель и приветливо улыбнулся, показав столь сложное и неритмичное устройство зубного аппарата, что любой стоматолог истек бы слюной по такой работе. – Конечно, есть! Я вот телевизор не смотрю и газет не читаю. Вместо этого я читаю людей. В метафорическом смысле.

Слово «метафорический» встревожило Матрешку и Медведя еще больше. Ничего хорошего не приходится ждать от водителя коммерческого минивэна, который знает слово «метафорический». Об этом даже была статья в «Вестнике

дурных предчувствий», но весь тираж, как известно, изымается потом у читателей и сжигается.

– Здорово, – одобрила Матрешка осторожно, словно беседовала с игривым забойщиком скота. – А почему вы не смотрите телевизор и не читаете газет?

– Потому что телевизор есть обитель зла. Оттуда происходят все злодеяния и вся неправда, – восторженно изрек водитель, улыбаясь еще шире.

– С чего вы взяли? – встрял в разговор Медведь, – Я вот недавно смотрел передачу про медведей...

– Нет-нет, там ничего нельзя смотреть, вы мне не рассказывайте! – перебил водитель. – Вы просто зомбированы, они на вас воздействуют технологиями, потому вы так и думаете! Я же не просто так это говорю! Я же знаю, о чем говорю, – обернулся он на секунду к Медведю и укоризненно заглянул тому в ноздри сквозь толстые стекла очков, хотя метил, очевидно, посмотреть в глаза, – мне один пассажир рассказывал разные истории, вот как вы сейчас, и очень поучительный случай с ним произошел...

Тут он вдруг замолк и стал подозрительно озирать местность, чтобы понять, не пропустил ли нужный поворот. Машина уже миновала огромное поле созревшей кукурузы, по краям которого невозбранно паслись довольные жизнью овцы, и преодолела несколько крутых подъемов, причем ветхий двигатель обращал внимание водителя на этот факт. Теперь они ехали по двухполосной дороге с шелковистым ас-

фальтом, оставляя за собой все больше соснового бора, хотя и впереди его еще было немало. Медведь залюбовался пейзажем, а Матрешка сидела тихо, надеясь, что увлекательная история их минует и оставшуюся часть поездки они проведут в восхитительной тишине. Но водитель в конце концов узнал местность, довольно пожевал губами и продолжал излагать.

– Так вот. Мне один пассажир рассказывал, что у него дома, в той комнате, где стоит телевизор, на стене появилось странное пятно. Прямо напротив телевизора. Вот так телевизор, и вот так пятно, – водитель показал их взаимное расположение, отняв руки от руля, Матрешка испуганно вскрикнула.

– Ясно, ясно, не показывайте!

– Что? А, вы об этом! Да вы не бойтесь, я двадцать лет за рулем, – хохотнул водитель и нехотя вернулся к управлению машиной. – Вы поняли, где пятно, да? – строго посмотрел он в зеркало на Медведя.

– Да-да, – подтвердил тот, – понял, прямо напротив телевизора.

– Вот именно! – обрадовался водитель. – Сначала никто не придавал значения. Решили, что это от влажности. Знаете, так бывает от влажности.

– Знаем, да! – подтвердила Матрешка, чтобы водитель не ударился снова в жестикуляцию.

– Вот! Но оказалось-то совсем другое! – таинственно со-

общил он. – Пятно-то появилось как раз после очередной серии «Верности и негодования».

– Это что такое? – заинтересовался Медведь. Он смотрел телевизор, но не настолько.

– Сериал, который идет уже третий год, – просветила его Матрешка. – Женщина-энтомолог идет по следу хищного мотылька-оборотня и влюбляется в парашютиста, торгующего краденым антиквариатом.

– Именно, – подтвердил водитель, – очень увлекательный сериал. И вот прямо как закончилась серия, хозяева дома смотрят – а на стене это пятно.

– И что? – не поняла Матрешка. – «Верность и негодование» идет дважды в день, им искусственный интеллект сценарии пишет. Когда бы пятно ни появилось, оно в любом случае появится после одной из серий.

– Они тоже так думали! А оказалось все не так! – воскликнул водитель торжествуя. – К счастью, у этого пассажира был сосед, который во всем разобрался. Очень серьезный мужчина, положительный. Без вредных привычек, из дома не выходит без галстука. Он как услышал про пятно, сразу пришел посмотреть, вдруг там какая-то скрытая угроза. И сразу увидел, что это на самом деле не просто пятно, а изображение Люцифера!

– Не может быть, – вежливо удивился Медведь, поскольку водитель явно этого очень ждал.

– Да! Представьте себе! Изображение Люцифера, как если

бы тот сидел на собаке в пол-оборота и был одет в кимоно. Таким образом высшие силы и намекают нам, что смотреть телевизор не следует, ибо там – зло! – и он воздел указательный палец кверху, как бы поставив в воздухе жирную точку.

– Интересно, зачем высшим силам использовать такие сложные намеки? – усомнился Медведь.

– А чтобы люди над этим думали, – ответил водитель тоном человека, только что получившего от высших сил email с подробным разъяснением их ближайших планов. – Множество тайн скрыто от людей. Многое нам предстоит еще узнать, – и он заправил выбившийся из прически седой хохолок обратно за сломанную дужку. – Мне вот еще один пассажир рассказывал... – Матрешка страдальчески вздохнула, – ...рассказывал очень интересные вещи, он археолог и мас-су знает интересных тайн, – продолжал журчать водитель. – Например, он считает, что люди на земле уже жили неоднократно. Что были, например, цивилизации и раньше, только мы их пока не нашли. И тому есть доказательства!

– Да, а я читал недавно, что астробиологи нашли в метеоритах следы живых организмов, – невпопад сообщил Медведь, чтобы сбить водителя с очередной подробной истории. Затея удалась. Водитель вздрогнул, осекся и, если бы дело происходило в темноте, наверняка было бы видно, как он заискрил.

– Да... да... астробиологи... – Невидимый архивариус в его голове перебрал запас историй со словом «биология»

и довольно скоро нашел более-менее подходящую.

– В нашем Университете знаете, что ученые недавно обнаружили? – с облегчением продолжил он. – Очень интересно...

– Это вам пассажир рассказал? – спросила Матрешка обреченно.

– Да-да, был один пассажир как раз оттуда, из Университета, – речь водителя вновь обрела угрожающую плавность. – Они там ставили очень интересный опыт. Они поместили в закрытый вольер стаю футбольных фанатов, а этажом выше, в комнате прямо над вольером, поставили контейнер с холодным пивом. Чтобы исследовать реакцию на раздражитель. Так вот представляете, они вообще никак не отреагировали!

– А как они должны были отреагировать? – удивился Медведь.

– Так вот и неизвестно! – продолжал горячиться водитель.

– И зачем это все было? – вяло спросила Матрешка, не поворачиваясь от окна.

– А вот теперь достоверно известно, что футбольные фанаты не реагируют на пиво, если не видят его и не знают о его существовании. Это же наука, вы понимаете? Это очень сложная вещь!

– Даже сложнее, чем я думала, – пробормотала Матрешка, провожая взглядом полицейский пост, проносившийся за окном.

Полный и румяный, как свежий пирожок, лейтенант как раз вышел из своей будки размяться, серебристые пуговицы на темно-синей форме сверкали на солнце и делали его похожим на раскормленного циркового жокея. Чуть дальше был указатель на поворот и Матрешка встрепенулась.

– Тише, стойте, нам сейчас налево!

Водитель, продолжая что-то курлыкать по поводу научных изысканий и неведомых вселенских тайн, повернул налево, въехал на грунтовую проселочную дорогу, но вдруг резко затормозил и свернул на обочину.

– Куда это вам надо? – спросил он, нахмурившись и с тревогой в голосе. – Это же та дорога, что к колдунье!

– Ну да, нам туда, – деловито ответил Медведь, – сейчас прямо, а дальше должны быть указатели.

– Нет-нет, я туда не поеду, вы что! Я не поеду туда! Еще чего не хватало! – и водитель затряс головой так решительно, будто ему предложили участвовать в мятеже.

– А что такое? – не поняла Матрешка.

– Нет, нет, даже не просите! – водитель поставил машину на ручник. – Я туда даже не сунусь. Там у нее какие-то странные вещи происходят, в Городе много сейчас об этом говорят. Говорят, она то появляется, то исчезает, а вечером, люди видели, огни там по лесу бродят. Так что, нет уж, извините.

– Ну ладно... – Матрешка растерянно полезла из машины.

– Спасибо, – сердечно поблагодарил водителя Медведь,

толкая дверь, открыть которую мешал заевший замок. – Спасибо, очень интересно было с вами побеседовать! – несмотря на то что им предстояло идти несколько километров по проселку, он был счастлив, что поездка закончилась.

– Вы толкайте сильнее, там замок заедает, – посоветовал водитель, – плечом толкайте!

– Я толкаю, – сказал Медведь и едва не снес дверь с петель. – Спасибо, удачи вам! – еще раз горячо попрощался он и бережно захлопнул дверь, надеясь, что она отвалится не сразу, а чуть погодя. Минивэн затарахтел стартером, взревел и медленно покатился на разворот.

Грунтовая дорога была пыльной и неряшливой, как все грунтовые дороги. Хотя аккуратные столбики с указателями и говорили о попытках ее благоустроить. Матрешка с Медведем брели по ней уже больше получаса, обходя огромное поле, где что-то неплохо уродилось, судя по густой и жесткой щетине, оставшейся от скошенных стеблей. За все это время не появилось ни одной машины. Можно было бы подумать, что мир забыл про невзрачную грунтовку, если бы не изобилие следов в дорожной пыли – по ним любой желающий мог легко и быстро изучить мировую индустрию протекторов. Аккуратные узорчатые следы асимметричных дождевых шин чередовались с грубыми ребристыми отпечатками, какие оставляют старые грузовики. Среди них вился след широкий, но смазанный и бледный – обладатель этих

сликов, должно быть, казался сам себе восходящей звездой автоспорта. Те незадачливые ромашки и кусты репейника, которым выпало расти на самой границе поля и дороги, давно уже потеряли натуральный цвет и были густо покрыты пылью, которая облаками оседала на них после каждой проехавшей машины. Вдали показался лес, и он был очень кстати – осеннее солнце пользовалось открытостью пространства и из последних сил старалось наградить любого прохожего тепловым ударом. Обезумевшая бабочка металась между цветастой юбкой Медведя и брусничным платьем Матрешки, не в силах выбрать, на каком из этих гигантских цветков ей осесть и остепениться. Матрешка отмахнулась, попав ей прямо по крылу, – бабочка закувыркалась в воздухе и потерпела крушение в ближайшем орешнике. Пока шли, обливаясь потом под настырными лучами, разговаривать не было сил. Но, зайдя в тень сосен и какой-то широколиственной благодати, Медведь быстро отдышался и снова стал приставать с расспросами.

– Так ты не рассказала, кто за тобой охотится. Кому ты так дорогу перешла?

– Долгая история, – сделала загадочное лицо Матрешка.

– У нас времени-то достаточно, судя по всему, – хмыкнул Медведь. – Похоже, этот лес надолго.

– Я случайно где-то прихватила чужую флешку, не помню даже, где. Вообще сначала думала, что это моя. А там оказалась важная информация. Причем совсем мне не нужная

информация, судя по тому, сколько проблем сразу возникло, – и она мрачно уставилась в пространство.

– Какая-то государственная тайна?

– Какие у нас могут быть государственные тайны – как опрыскивать виноград от вредителей? В том-то и дело, что тайна вполне частная.

– А что именно? – Медведь внимал рассказу, он любил тайны. Особенно чужие, потому что своих у него обычно не было.

– Да не знаю, я даже не смотрела особо, что там. Чертежи какие-то. Просто вдруг стали какие-то люди набрасываться, куда-то волочить, спрашивать про нее. Оказалось, они из фирмы, которая занимается промышленным шпионажем. Или защитой от промышленного шпионажа, я так и не поняла. Один раз утром на выходе из клуба пытались в машину посадить, но я тогда перебрала коктейлей, и меня стошнило – они накричали и уехали. Второй раз вот на смотровой площадке почти уже похитили, но повезло.

– А что ты им просто не отдашь флешку?

– В том-то и дело, я не знаю, где она! Я ее случайно засунула в какую-то из внутренних матрешек, а потом их продала, рассказывала тебе.

– Ну да. Так зачем они за тобой гоняются? Скажи им, что флешка во внутренних, пусть сами их ищут!

– Они не поверят. Во внутреннюю матрешку обычно помещают только другую матрешку, это всем известно. Я даже

сама не понимаю, зачем туда флешку засунула. День тяжелый был, дела, дела, потом в клуб пошла, ну сам понимаешь, надо отдохнуть. Вот так как-то все и случилось.

– Так покажи им, что у тебя внутри ничего нет, пусть убедятся.

– Ты не знаешь, что это за люди. Это очень серьезные люди. Подумают, что я что-то скрываю, и даже не представляю, что они со мной сделают. А я и сама не знаю, где флешка, вот в чем беда! Но они не поверят.

– И что, будешь ее искать?

– А что делать? Лучше я сама ее найду, отдам, и они от меня отстанут. Нельзя же так жить – все время от кого-то бегать!

– А почему ты не заявишь в полицию на них?

– Да ты что! Они меня тогда обвинят в краже. А я просто машинально где-то взяла. Но потом же не докажешь! Смотри-ка, это что?

Медведь и сам уже заметил стальной столб, на каких обитают рекламные щиты или дорожные указатели. Но этот столб изогнулся, как плакучая ива, а от указателя остался лишь кусок фанеры с обрывком бумаги, одиноко болтавшийся на ветру. Все остальное было раскрошено на мелкие щепки и тщательно разбросано поодаль. Матрешка с Медведем задумчиво уставились на странный объект. Чтобы так согнуть столб и перемолоть фанеру, надо было твердо задаться целью и пригнать вдоволь специальных механизмов. Либо

быть неизвестным доселе существом, которое могло бы своей новизной порадовать ученых, но крепко огорчить службы спасения. Пугливое бормотание водителя, покалеченный столб – все это создавало картину непонятную и довольно зловещую.

– Покупаем карту, кому карту! – раздалось откуда-то сбоку призывное бормотание. Матрешка с Медведем шархнулись назад и увидели вылезающего из кустов невысокого человечка среднего роста, средних лет, среднего телосложения, в темной рубашке, темных джинсах, темной бейсболке, волосы русые, лицо овальное, нос с горбинкой, особых примет, родинок и шрамов человек не имел.

– Мальчики, берите карту. Самая подробная карта, таких уже не делают, – предложил он заговорщицким полусшепотом, жадно шаря по ним взглядом, но избегая при этом смотреть в глаза. Матрешка и Медведь глянули друг на друга, пытаясь понять, кто из них больше подходит под определение «мальчики». Потом Медведь решил все-таки выяснить характеристики товара.

– Какая карта? Вы о чем?

– Ой, ну не надо! – обиделся вдруг человек в среднем. – Можно подумать, вы не к колдунье приехали, а дикий рис собирать! Берите, без карты вы тут заблудитесь и ничего не найдете. И вас будут потом искать две группы спасателей, которые разделятся и пойдут одна поперек через лес, другая – налево к болоту, потом подключат вертолет и будут опра-

шивать местных жителей, а через три дня ничего не найдут и прекратят поиски согласно правилам, а вы все это время будете плутать возле молодого осинника, где овраг, и будете пить дождевую воду и питаться личинками майского жука, а через месяц вас, исхудавших и бледных, случайно найдет лесник, которому вы будете навек благодарны и будете возить к нему своих внуков, а он из вежливости не сможет вас прогнать, хотя такие, как вы, давно ему осточертели.

– Пожалуй, он знает, о чем говорит, – задумчиво сказала Матрешка, впечатленная этим прогнозом, – давай-ка возьмем у него карту. Почему она у вас?

– 5500 за обычную, 7500, если с комиксами и аудиогидом. Можно в евро, тогда 20 или 25.

– Что-то дороговато, – пробурчал Медведь, доставая бумажник.

– Да какое «дороговато»! – возмутился торговец картами. – Тут все измерения с точностью до метра плюс ориентир!

– Хорошо, хорошо, – Медведь отсчитал пять купюр по тысяче, набрал мелочи и получил сложенный лист бумаги.

– Всего хорошего, спасибо за покупку, хорошего дня, – оттарабанил человек в среднем, скрываясь обратно в кусты.

Ветви сомкнулись за ним, еще несколько секунд похрустывали ветки, и наступила тишина. Матрешка и Медведь молча стояли, глядя ему вслед.

– Что это было? – спросил, наконец, Медведь.

– Хороший специалист по продажам. Давай-ка глянем, что мы купили, – и Матрешка потянулась за сложенным листком.

Внутри и правда оказался ксерокс самодельной, нарисованной от руки карты местности. Над каждой копией честно потрудились, доводя ее до ума, – в нижнем правом углу красовалась ярко-красная круглая отметина, сделанная маркером. Надпись рядом поэтично сообщала: «Здесь вы».

– Я думала, все будет проще, – честно призналась Матрешка, рассматривая размытые контуры дорог, стрелки и надписи вроде «Группа деревьев, включая ели» и «Идти в течение нескольких минут».

– Я думал, что будет намного проще, – подтвердил Медведь, изучая карту из-за ее плеча. – Пойдем, что ли. А то до вечера здесь застрянем.

Они двинулись дальше по той же дороге – карта предлагала идти по ней до тех пор, пока по правую руку не начнутся сосны с ободранной корой. Ничего плохого нельзя было сказать по поводу этой прогулки, в других обстоятельствах она была бы вполне хороша и сама по себе. Пыли здесь было гораздо меньше, чем в поле, и пахло соснами. Солнце прорывалось сквозь кроны деревьев специально, чтобы подсветить первые желтые листья и сделать лес золотистым. Какие-то птицы – по мнению Медведя, дрозды – носились ошалелыми стайками и громко скандалили. Вообще-то он не был специалистом в биологии, поэтому любая птица крупнее воробья,

но меньше орла была для него дроздом.

– Смотри, дрозды! – поделился он с Матрешкой.

– Да наплевать, – она была погружена в изучение маршрута.

Карта педантично сообщала, что сосен со следами воздействия – четыре, а располагаться они будут вблизи от заброшенной тропы, ведущей в глубь леса. На которую и следовало свернуть. Еще имелась приписка, что кора на соснах содрана на высоте от двух до четырех метров. Точность, строго говоря, совершенно напрасная – пострадавшие деревья оказались видны издалека. По ним будто прошлись бороной или еще каким-то садовым инвентарем. Глубокие царапины прочертили стволы, на них кусками застыла смола, крупные хлопья сосновой коры густо усыпали землю вперемешку с хвоей и ветками. На одной из сосен – там, где царапины были особенно частыми, – Медведь заметил несколько ржавых гвоздей. Их наполовину вырвало из ствола и скрутило до неузнаваемости. Внизу под деревом валялся кусок жестяной таблички, на которой угадывались полустертая стрелка и номер телефона. Очевидно, она служила указателем до того, как кто-то приложил к сосне свой разрушительный энтузиазм. Кто бы это ни был, с ним не хотелось встречаться, и Медведь замешкался перед тропой. Тем более что поперек нее лежало несколько трухлявых осин, а землю будто взрыли кабаны.

– Пошли, пошли, – подтолкнула его Матрешка, – не бойся. Мы же задерживаться не будем, туда и обратно.

Медведь со вздохом перелез осины одну за другой и потопал по узкой тропе, Матрешка – за ним.

Было две проблемы. И это только из крупных. Во-первых, ветви кустов стремились ткнуться в лицо, а потом хлестануть идущего следом, как Медведь ни старался их придержать. Матрешка забежала вперед, но тут же поцарапала веткой кокошник, снова убралась назад за спину Медведя и стала канючить, чтобы он предупреждал, когда хлестнет. Во-вторых, глинистая почва скользила под ногами, пытаясь увести неловкого путника в канаву, что тянулась вдоль тропы. Ходили тут, судя по всему, довольно часто и на поворотах влажная утрамбованная тропинка была отполирована до блеска – здесь прохожие скользили, старались не упасть и быстро-быстро перебирали ногами. Медведь тоже так поступил, но все-таки угодил ногой в канаву. Матрешке с ее присоской было проще, хотя и она проскальзывала через нахоженные места с опаской. Комары, мошки, паутина – это все отнесем уже к мелким проблемам. Туда же запишем тонкий аромат гниющих пней и тучи комаров, конечно.

Изящно проскользнув с шумом и треском под очередным кустом орешника, Медведь встал как вкопанный. Матрешка налетела на него сзади, ушибла нос и заныла было. Но замолкла, увидев то, что увидел он.

Сразу за кустом чуть сбоку от тропы стоял раскладной столик, а за ним скучал на раскладном же стуле человек неприметной наружности – один в один тот, что продал им

карту. Впрочем, у того ботинки были черные и неряшливые, а этот сидел в белых кроссовках – такие обычно носят люди в среднем, если им отчего-то надоедают черные ботинки.

– Карты покупайте, последние остались, – приветствовал он гостей, кивая на столик, заваленный картами разных размеров и форматов. Был даже иллюстрированный атлас с ночными снимками инфракрасной камерой, а еще научный труд коллектива авторов «Дорога к колдунье – непредвиденные трудности или путь к осознанию себя?»

– Да нет, спасибо, мы уже купили, – растерянно ответил Медведь, озираясь кругом. Непонятно было, как торговец протащил в такую глушь столик, стул и толстую кипу печатной продукции.

– Где это? У гнutoго столба, что ли? – хохотнул торговец картами. – Это вы напрасно, не надо покупать первое, что вам предлагают. Они же у него устарели уже неделю как! Тропинка эта теперь ведет в тупик, а дорога вокруг озера перегорожена упавшей елью. Обходной путь мимо болота вообще закрыт, там мафия заставила кого-то копать себе могилу, а гражданин случайно нашел месторождение марганца. Из него, кстати, делают отличные удобрения для пасленовых. У нас вот есть образец, если желаете, – и он стал рыться в сумке.

– Нет-нет, спасибо, не надо. А у вас-то карты точные? – подозрительно спросила Матрешка.

– А как же?! – изумился человек в среднем. – Это же спут-

никовая съемка, только сегодня передали и тут же отпечата-
ли!

– Сколько стоит?

– Можем предложить недорогой вариант всего за 10700 или 40 евро, – продолжал выступать от лица невидимого коллектива торговец, окинув их оценивающим взглядом.

– Ничего себе! – пробормотал Медведь. – Хороший бизнес! А почему просто нет указателей, зачем вся эта история с картами?

– Указатели были раньше, а теперь-то откуда! Вы же видели скрученный столб, сосны – там они и были.

– Вы их посбивали, чтобы карты продавать?! – воскликнула Матрешка.

– Что вы такое говорите, кто вас этому научил! – возмутился человек в среднем. – Она сама все это устроила, когда перестала принимать.

– В смысле? Колдунья что, не принимает клиентов?

– А вы не знали? Об этом даже в газетах писали. Принимала, все было в порядке, травы там, заговоры. Никому не помогало, но все шли. А потом вдруг как отрезало – спряталась в доме, никому не открывала и кричала, что у нее могучая сила и она не может брать на себя ответственность за чужую судьбу. Потом дом замаскировала, стала ходить по лесу и сбивать все указатели и свою рекламу. Даже, говорят, трактор пригнала, чтобы проще было. Тропинки стала заваливать всякой дрянью. Причем ночью все делает, чтобы ни-

кто не проследил, где она живет. Но мы-то все равно вычислили.

– Не понял, а зачем вы тогда карты продаете, если она никого не принимает? – попытался найти логику Медведь.

– Говорят, если ее уломать и разжалобить, то может и принять. Но очень страдает. Чувство ответственности у нее такое вдруг проснулось, что стала бояться самой себя. А люди как узнали, что она больше не принимает, так прямо валом повалили, больше стало раз в пять.

– Карту бери! – толкнула Матрешка локтем в бок Медведя.

Новая карта, аккуратная и цветная, отпечатана была на хорошей глянцевой бумаге. Маршрут обозначался на ней прерывистой красной линией, опасные участки – восклицательными знаками, а дом колдуньи отрисовали так детально, что карта вполне могла бы претендовать на статус художественной миниатюры. На обороте произведения нашлось много рекламы, которая расхваливала гомеопатические препараты от храпа и малярии, тату-салоны, потомственных астрологов, свежие исправленные сонники и прочие нужные вещи. Приободренная Матрешка пошла впереди – карта обещала, что уже совсем скоро, после торфяного болотца и развалин заброшенного луна-парка, дорога станет легкой и приятной. А проходить она будет по лесной опушке, поросшей растениями-медоносами и полевыми злаками.

Дорога и впрямь стала менее враждебной. Заросли ореш-

ника поредели, но окружающая среда еще мало походила на солнечную опушку в цветах. Она все-таки больше смахивала на густой сырой лес, поросший багульником и крапивой. Никакого болотца тоже пока не наблюдалось.

– Что это там? – прищурилась Матрешка, – Не оно?

Вдалеке показалась проплешина среди мрачных елок и осин, вполне подходящая по размеру для небольшого болота. Медведь стал всматриваться, надеясь углядеть обещанные картой руины – остатки карусели и колеса обозрения. А за ними – долгожданный просвет, который означал бы скорый выход из душной лесной полутьмы на открытую местность. После комаров и паутины даже палящее солнце казалось ему не худшим вариантом. Но стволы деревьев стояли стеной, сколько видел глаз, и явно не собирались заканчиваться. Он еще раз сверился с картой. На размеченном стрелками спутниковом снимке четко проступали среди редкого молодого леса циклопические конструкции. Вот колесо, рядом полуразрушенный планетарий, а чуть дальше – сломанная рука карусели. Еще была прямоугольная площадка с подобием длинного сарая по краю – очевидно, бывший тир. Еще дальше извивался заросший травой картодром, а вдоль дорожек, по которым некогда любили гулять жители Города, тянулась вереница полуразвалившихся скамеек. Медведь снова перевел взгляд на деревья, но ничего не увидел, кроме безнадежно мощных и старых стволов. А проплешина, до которой они как раз добрались, оказалась вовсе не болотцем,

это была свалка внушительных размеров.

Любой специалист по свалкам скажет вам, что чаще всего люди выбрасывают что-то ненужное. Обычно старое, иногда ношеное и нередко – дырявое. Та свалка, на которую наткнулись Матрешка и Медведь, была когда-то неотличима от прочих. Но обычный для свалок печальный и неаппетитный хаос был здесь почти закрыт грудой совсем свежих и неожиданных приношений. Здесь валялось, например, несколько смартфонов Huawei и последних айфонов. Ничего удивительного, конечно, но видели бы вы остальные детали композиции! Грустно лежали сваленными в кучу сумки Hermes, полосатыми пятнами украшали композицию шелковые платки Paul Smith, выглядывали из груды чешуйчато-леопардовыми и тигрово-полосатыми спинками блузки Cavalli, и платье Vivienne Westwood трепетало на ветру то ли капюшоном, то ли третьим рукавом. Рядом искрилась пестрыми боками весенне-летняя коллекция новогодних игрушек Prada. Рядом со свалкой бродили две потрепанные собаки, не находя ничего для себя ценного. Матрешка издала утробный звук – среднее между взвизгом и урчанием в животе. Медведь взглянул на нее и забеспокоился. Взгляд ее застыл, она медленно стала подбираться к свалке, протянув вперед руки, будто вся эта куча вещей могла вдруг сорваться с места и удрать.

– Эй! Ну ты что делаешь! Ну прекрати! – попытался Медведь уберечь ее от набивания самой себя негигиеничными

предметами.

Матрешка, не обращая на него внимания, рванула молнию на животе, жадно выхватила из кучи сумку Louis Vuitton и стала ее с упоением ощупывать. Собралась было отправить внутрь, но тут увидела пиджачок Gucci – золотисто-бежевый с зеленым узором. Выронила сумку и стала тащить пиджак, а другой рукой принялась разгребать – та масса, которую Медведь вначале принял за бурое тряпье, оказалась костюмом Armani, и Матрешка тихо застонала от восторга.

– Ну перестань, это же свалка! – продолжал уговаривать ее Медведь, – это же кто-то выкинул, оно неизвестно сколько лежало! Это даже хуже, чем покупать секонд-хенд!

Но Матрешка упоенно рылась в вещах. Собаки отошли подальше и смотрели с недоумением.

– Это же старые коллекции! – в отчаянии крикнул Медведь, поняв, что голос разума проходит через ее сознание транзитом. – Это все старые коллекции, позапрошлогодние!

Матрешка еще пару секунд разгребала ворох одежды, потом застыла, и взгляд ее принял осмысленное выражение.

– Старые коллекции, совсем старые! Позапрошлый год! – повторил Медведь с надеждой.

– Что, правда? – спросила она тревожно и уставилась на вещи, будто только что их увидела.

– Конечно! Посмотри на платье! Вивиен Вествуд уже сто лет не пришивает к оборкам велосипедные цепи!

– Да больше... – растерянно пробормотала Матрешка. За-

грустила и стала выбираться из помойки обратно на дорогу.

Сзади раздался смешок. Оба оглянулись и увидели человека на пронзительно новом велосипеде с таким количеством передач, что можно было бы утомиться и невероятно похудеть, всего лишь переключая их одну за одной. Роста он был среднего, средних же лет, среднего телосложения, в темной рубашке, темных джинсах, волосы русые, лицо овальное... Только велосипед и отличал этого человека в среднем от тех двоих, что продавали карты.

– Не помешал? – осведомился он с издевкой, скрытой не слишком тщательно.

– Что вам? – огрызнулась Матрешка.

– Да ничего, а что, нельзя тут стоять? – усмехнулся человек в среднем. – Лес общий, вы знаете? – и он устроился поудобнее. Молча понаблюдал, как Медведь помогает Матрешке отряхнуться и отлепить приставший сзади магазинный чек, потом отвернулся и тихо захихикал.

– Что такое?! Что вас так смешит?! – взорвалась Матрешка. – Что вы тут стоите, нечем заняться?!

– Нет-нет, я так просто, смешное вспомнил, – заверил человек в среднем и снова прыснул.

Матрешка мрачно засопела, уставившись ему глаза в глаза.

– Что, колдунью ищите? – сочувственно спросил велосипедист. – Бедные, как же вас занесло-то! Небось, и карт накупили? Да, наверняка, иначе вы бы здесь не оказались.

– Знаете что, если вы хотите еще одну предложить, то ищите других дураков! Что вы ко мне пристали, а? Чего вам тут надо?! – кокошник у Матрешки надулся и стал багровым, как свекла-рекордсмен.

– Я?! Карту?! – человек в среднем картинно захохотал, задрал голову и выставив небритый острый кадык. – Да за кого вы меня принимаете! Я такой ерундой не занимаюсь, знаете ли. Нет необходимости, – он снова облокотился на руль и уставился на Матрешку с Медведем, издевательски улыбаясь.

– Вы бы лучше подсказали, где тут старый луна-парк, – примирительно предложил Медведь, – чем веселиться-то бесплатно.

– Где тут что?! – изумился человек в среднем.

– Луна-парк! – сунул ему карту Медведь, уже предчувствуя недоброе.

И правда, любой комик отдал бы душу, селезенку и еще пару сотен сверху за тот эффект, какой произвело нехитрое типографское изделие на человека в среднем. Едва взглянув на расчерченный стрелками спутниковый снимок, он согнулся пополам от смеха и так стоял, прихрюкивая от восторга. Матрешкин кокошник покрылся розовыми крапинками, она сжала кулаки, верхняя губа подрагивала, как у волчицы, готовой вцепиться зубами. Медведь похлопал ее по плечу, чтобы успокоить, но и сам еле держал себя в руках.

– Что вас на этот раз так развеселило? – спросил он раз-

драженно. – У вас истерика?

– Какой луна-парк, вы что! – почти рыдал от смеха человек в среднем. – Вы посмотрите вокруг! Здесь деревья растут!

– Мы заметили, – буркнул Медведь.

– У них же просто наложился снимок городского луна-парка на этот лес. Обычный брак! Как вы могли поверить, что здесь могут быть развалины луна-парка, среди леса-то?! – и человек в среднем снова залился смехом. Просмеявшись, он сунул медведю карту, и утирая слезы, стал разворачивать велосипед.

– Ну-ну, счастливо вам, желаю вам найти тут американские горки и палатку с пончиками, – сердечно попрощался он, – если что-то хотели сказать колдунье, я передам, вы не стесняйтесь.

– А вы не можете просто сказать, как к ней выйти?! Что, так сложно? – накинулась на него Матрешка.

– Зачем мне вам говорить? Я не проводник и не гид. Вы вот карту купили и идите по ней! Только даже если найдете через пару дней, она вас не примет. Видите, она вон всю одежду повыбрасывала и технику. Все, что заработала колдовством – все повыбрасывала. Говорит, стыдно за свой дар брать деньги. Совсем ополоумела, бедняжка. Ну ладно, пока!

– Если она так скрывается, откуда вы-то можете знать, где она живет? – решил схитрить Медведь. – Тоже мне, следо-

пыт!

– Я с ее зятем играю в боулинг, кто еще должен знать! Он через меня ей продукты передает, когда сам не может приехать. Она же там заперлась и не выходит!

– Сколько стоит узнать адрес? – с ненавистью спросила Матрешка.

– Вот вы даже как ставите вопрос? – удивился человек в среднем, нехотя убирая ногу с педали. Окинул их взглядом и засомневался. – А зачем она вам нужна?

– Очень нужна, – проникновенно заверил его Медведь. – Мы собираемся играть на скачках. Хотим погадать на воске и жареных соевых бобах, на кого ставить.

– Я вам и так скажу. Ставьте на Дудку, она выиграет в первом заезде. А Махаон – во втором.

– Вы-то откуда знаете? – вновь принялась задираться Матрешка.

– Не надо, не говорите, нам неважно, – перебил ее Медведь, слегка лягнув исподтишка, – совсем неважно.

– Да, лучше вам не знать, – задумчиво сказал человек в среднем.

– Мы еще хотим поучаствовать в муниципальных выборах. Хочется, так сказать, заглянуть в будущее на предмет итогов голосования.

– Ну а в чем проблема? – еще больше удивился обладатель секретного знания. – Сейчас избиратели любят все необычное. Вон у нас в мэрии уже заседают два тритона, таблетка

метилурацила и кукла-попрыгунчик. И ничего, справляются. Вас выберут, точно!

– Мы еще хотим, чтобы она на такси погадала, – встряла Матрешка. – Ну, если будем спешить на поезд и закажем, например, официальное городское такси на 16.30, то во сколько оно приедет.

Человек в среднем посмотрел на нее долгим взглядом, поразмыслил, а потом полез в карман и вынул смятую бумажку.

– Зять ее мне написал ориентиры, но я давно все запомнил. Сто евро и берите.

– Сколько?! – ужаснулся Медведь.

– Бери, а то мы здесь и заночуем. Ясно же, что заблудились! – огрызнулась на него Матрешка.

– Может, скинете до восьмидесяти? – проямлил Медведь.

– Сто, – вежливо, но твердо подтвердил человек в среднем, протягивая бумажку.

Записка была небогата предисловиями и сразу брала быка за рога. Накарябанный шариковой ручкой и подраспльвившийся от долгого таскания в скомканном виде текст гласил: «потом к насыпи и перех. на ту стор. после свалк. прямо до столба не перепут. со шмыл!!! тропа с кстарн. левее от камнолмн. низ! тихо ползи». Медведь перевернул записку со слабой надеждой найти что-нибудь вроде схемы. Интуиция не подвела, там ничего не было.

– По-моему, тут забыли написать начало, – мрачно прокомментировал он.

– Неважно, мы уже начинаем «после свалк.» Главное, чтобы середина и конец были правильными.

– В конце меня смущает вот это «тихо ползи».

– Там хотя бы нет восклицательных знаков. Меня больше настораживают «шмыл!!!»

– Честно говоря, меня вообще все здесь настораживает, – признался Медведь и двинулся по тропинке, еще раз сверившись с запиской. Матрешка скользнула следом.

Долго идти не пришлось – через несколько минут они уперлись в сплошную стену молодых елок высотой с два медвежьих роста. Матрешка смотрела на елки озадаченно – их явно коснулась рука человека. Причем заботливая и умелая. Деревья росли строгими рядами, будто петрушка или укроп. И стена-то оказалась не такая уж сплошная. Между рядами нашлись узкие проходы – их скрывал густой лапник, но тот, кто готов был втянуть голову в плечи и терпеть хвою за воротником, мог ими воспользоваться. Матрешка секунду посомневалась, а потом так и сделала.

– Зачем туда?! – воскликнул Медведь, вламываясь в проход следом за ней. Матрешка только сопела, раздвигая колючие ветки, и дискуссию не поддержала. Но быстро выдохлась и остановилась, громко пыхтя. А потом присела на кочку, расстегнула молнию на животе, вынула шелковый платок Gucsi с неоторванной биркой и принялась вытирать пот с

лица. Медведь укоризненно покосился на платок, но решил не донимать ее упреками, а вместо этого сориентироваться – солнце уже давно перевалило за полдень, и до вечера оставалось не так много, из леса пора было выходить. Он опустился на колени и заглянул под нижние ветки, силясь увидеть, чем заканчивается проход. Но хвоя и стволы уже шагах в десяти сливались в непроницаемое для взгляда буро-зеленое месиво. Зато под соседней елкой помпезно произрастал крупный гриб с красно-бурой шляпкой и ножкой в черную крапинку.

– Смотри гриб! – оживился Медведь.

Он очень любил грибы в любом виде. И маринованные, и жареные. По поводу свежих он не имел четкого мнения, поскольку редко с ними сталкивался, но внешний вид гриба очень ему понравился. Он подполз ближе, с удовольствием потрогал скользкую шляпку и плотную губку под ней.

– Если он ядовитый, колдунья точно не поможет, – Матрешка со вздохом встала и снова зашелестела ветвями по проходу. Медведь с сожалением бросил взгляд на гриб – надо было бы его сорвать, но где готовить? А до города весь раскрошится.

Матрешка вскоре тоже наткнулась на гриб – это был брат-близнец того, с красной шляпкой. Она уже было проскользнула мимо, но приостановилась и резким движением вбок сбила гриб, разломив его на части. И принялась ерзать из стороны в сторону, остервенело сбивая все грибы, до которых могла дотянуться, – розовые волнушки, глянцевые мас-

лята, даже несколько белых оказались бессмысленно разбиты о стволы.

– Ты что там? – Медведь нагнал ее и увидел, как очередной гриб летит от пинка, теряя шляпку. – Ты зачем так?! Кто-нибудь возьмет же, оставь!

– Я не возьму, значит, никто не возьмет, – пропыхтела Матрешка, задыхаясь от усталости. Медведь хотел было ее увещевать, но только махнул лапой и с грустью посмотрел на след из разбитых грибов – на сковородку тут набралось бы.

Ели закончились так резко, будто выплюнули Матрешку и Медведя на узкую просеку. Оба упали без сил в траву, отдышались и огляделись. Из человеческих здесь были только следы трактора, да и то поросшие травой. На другой стороне просеки начинался обычный лес, какой был до елочной плантации.

– Ненавижу лес, ненавижу! – выпалила Матрешка, кокошник ее налился багровым, надулся и покрылся красивыми розовыми разводами. – Ненавижу лес, ненавижу колдуний, елки, вообще все ненавижу! – и она уставилась на деревья перед собой с яростным отвращением.

– Давай выходить тогда, – опасливо предложил Медведь, – куда теперь, налево, что ли?

– Я это должна знать? Я? – уставилась Матрешка на него белыми от злости глазами, и кокошник запульсировал.

– Ты вроде решала, куда идти, я потому и спрашиваю, – Медведь обычно избегал необязательных конфликтов, но

чувство справедливости не дало ему промолчать.

– Ну конечно, я виновата, я завела! – Матрешка смотрела на него с такой же ненавистью, как незадолго до этого на деревья, губы ее сжались в тонкую ниточку. – Я виновата, кто же еще!

– Ладно, идем налево, – сообщил Медведь. – Сделаем крюк и выйдем обратно к дороге.

– Все-то ты знаешь, как надо делать! – ухмыльнулась Матрешка, поднимаясь с земли и отряхивая платье. Повернула налево и решительно двинулась вперед.

Но не прошли они и ста метров, как Медведь услышал странный шум из леса справа по курсу. Будто стая птиц пыталась играть на дырявых барабанах и была раздосадована результатом. Птичьи крики перемежались глухим беспорядочным стуком, и все это сливалось в необычный звуковой хаос, в котором при желании можно было даже найти гармонию.

– Погоди-ка! – он схватил Матрешку за платье, чтобы она не ускользнула далеко вперед и не потерялась.

– Что такое?! – огрызнулась она, выхватив подол у него из лап.

– Слышишь шум? Вон там вроде...

– Шум и шум, птицы кричат, мало ли, – поморщилась Матрешка, – Пошли, завтра приедем и все узнаем – кто шумит, где шумит и где эта ненормальная колдунья.

– Да погоди ты! – прикрикнул Медведь. Матрешка начи-

нала его раздражать, хотя воспитание жало на тормоза изо всех сил и не давало отпустить чувства на свободу. – Надо пойти посмотреть. Может, там люди – спросим, как выходить отсюда.

Матрешка всем видом выразила усталое недовольство вкупе с высокомерным презрением, но двинулась вслед за Медведем в глубину леса.

Птичий гомон приближался. Он не был громким, но становился все внятнее, а перемежавшая его барабанная дробь – все четче. Вскоре Матрешка и Медведь увидели птиц. Целая стая их кружила прямо посреди леса в большом возбуждении. Здесь было много разноцветной мелочи, и сойки, и вороны, и даже какой-то хищник вроде коршуна. Он надеялся поживиться, но явно растерялся – уж очень много было потенциальных жертв и слишком они были активны. Некоторые птицы прямо на лету издавали громкий звук, какой получается от удара размороженной курицей по гипсокартонной стене (попробуйте, это довольно познавательно), и падали без чувств, будто наткнулись на невидимую преграду. Медведь никогда не видел, чтобы птицы вели себя подобным образом, и даже не читал о таком в популярных журналах.

Подойдя ближе, он заметил необычное искажение света как раз там, где птицы сталкивались с чем-то невидимым и довольно твердым. Вроде все то же самое – стволы деревьев, кусты, прошлогодние шишки, и чахлая ольха склонилась чуть не до земли. Но все это было какое-то застывшее,

неживое. Медведь подошел еще ближе, птицы метались вокруг. Они хватали вялых, полубессознательных жуков, ос, мух и прочих насекомых, которые тоже пострадали от столкновения с неизвестной преградой и теперь ползали по земле в прострации. Некоторые пытались подняться в воздух, но тут же сбивались с курса и попадали в жадный птичий клюв. Медведь подошел еще на несколько шагов, еще немного – и лбом, в твердое, с размаху. Так, что перехватило дыхание, сердце стукнуло сильно, потом после длинной, как ему показалось, паузы – еще раз, и дальше уже ровнее. В ушах зазвенело, Медведь грузно сел на землю, боясь потерять сознание.

– Что там с тобой? – Матрешка повеселела. – Дерево лбом встретил? Смотреть надо бы по сторонам, да?

Медведь встал, потряс головой, его немного тошнило. Протянул вперед лапу – пространство между деревьями оказалось твердым на ощупь. Он всмотрелся в препятствие и только тут понял, в чем подвох. Это была стена, которую кто-то аккуратно обклеил огромными, в натуральную величину, фотографиями леса – соседних деревьев, подлеска, вон тех кустов бузины с гроздьями полувысохших ягод. Снимки легли гладко, без морщин и за лето покрылись вполне настоящей паутиной. На нее осела шелуха от еловой коры, кое-где прилепились первые осенние листья, и эта маскировочная сеть делала стену вовсе неразличимой среди леса. Торопившиеся по срочным делам насекомые со всего маху врезались в нее и падали оглушенными. На легкую добычу стянулись

птицы, но и многие из них в буквальном смысле пали жертвами мистификации. Матрешка подобралась вплотную, тоже пощупала стену и изумилась.

– Ничего себе! Это вообще что?

– Похоже на какую-то стену, – Медведь задрал голову, пытаясь оценить размеры конструкции. С этого ракурса стали видны блики, очертания деревьев на фотографиях утратили трехмерность, и он четко увидел границу между иллюзией и реальностью. – Здесь этажа три в высоту. А вон там заканчивается, кстати, – и он пошел вдоль стены.

– О, это угол! Это дом! – и он исчез с глаз, завернув за угол. – Точно, дом! – подтвердил, высунувшись на секунду, и снова исчез.

– Чушь какая-то. Откуда здесь дом? – пробурчала Матрешка и направилась следом.

Медведь оказался прав – стена не обрывалась углом, а сворачивала вправо и бугрилась посередине тем, что некогда было эркером. Его сплошь покрывали такие же огромные фотографии леса, только наклеенные криво и хаотично. Судя по всему, дойдя до этой части дома, неизвестный маскировщик изрядно устал. Окна эркера тоже были залеплены снимками окружающей природы, но некоторые уже отклеились и трепетали на ветру, собирая на себя весь пролетающий лесной мусор. В результате несчастная архитектурная деталь превратилась в подобие огромного древесного гриба. Матрешка и Медведь отошли чуть дальше, чтобы окинуть

взглядом весь дом.

– Большой! – уважительно оценила Матрешка.

– Три этажа, точно. Вон, смотри – там окна заклеенные, и вон там, плюс эркер. И подземный гараж еще наверняка. Может, это и есть колдунья?

– Она, конечно, свихнулась, но не до такой же степени! – как бы Матрешка ни стремилась найти злосчастную флешку, перспектива встречи с колдуньей настолько ненормальной крепко ее, должно быть, озадачила.

– Помнишь, велосипедист говорил, что она все подходы к дому замаскировала, сорвала указатели...

– Это продавец карт говорил.

– Без разницы. Все сходится. Она и дом замаскировала, чтобы не было видно с дороги.

– Ничего себе, замаскировала. Весь лес слетелся.

– Ну да, не рассчитала немного, – согласился Медведь, – пойдем-ка обойдем его.

Свернув за следующий угол, они увидели картину трогательную и многообещающую. На фасаде красовался очередной нарост, обклеенный огромными фотографиями, но из-под листов плотной бумаги выглядывали перила и ступени. Это было крыльцо. А перед крыльцом стояла скамейка. Обычная садовая скамейка с чугунной витой спинкой, не было на ней ни маскировки, ни следов вандализма. На скамейке сидела девушка с заплаканными глазами и зычно сморкалась в просторный носовой платок. Туго заплетенная коса и

тяжелый низ, упакованный в длинную пыльную юбку, говорили о простодушии и беззащитности перед мужскими кознями. Девушка аккуратно сложила платок, убрала его в объемную сумочку и скорбно посмотрела на Матрешку с Медведем.

– Колдунья здесь живет? – без лишних предисловий осведомилась Матрешка.

– А что толку! – горестно воскликнула девушка и закрыла лицо руками, всхлипывая.

– Что, не принимает? – догадался Медведь. Девушка помотала головой и зарыдала.

– Смотри! – толкнула его в бок Матрешка. Медведь повернулся и увидел дорожку, что вела от крыльца в лес. Она была утоптана не одной сотней ног, а поодаль стояла среди деревьев небольшая красная машинка, по силуэту вроде бы «пежо».

– Вы на ней приехали? – спросила Матрешка скулившую девицу. Та кивнула.

– Там что, есть дорога? – заинтересовался Медведь. Та снова кивнула.

– Вот стоило через лес продираться! Шли бы по карте – давно бы уже пришли!

– Да, правда? И по какой надо было? – Матрешка захлопала глазами, изображая доверчивое удивление. – По той, которая привела на помойку, или по той, где луна-парк посреди леса?

– Ладно, чего сейчас обсуждать! Пойдем к ней, раз уж добрались, – мрачно предложил Медведь.

Только ссоры ему сейчас и не хватало. Хотелось скорее закончить дело и вернуться в Город – с этими ночевками в ветеринарной клинике и прогулками по лесу он даже забыл еще раз позвонить фотографу, чтобы как-то объяснить свое отсутствие и узнать, как там дела. Медведь схватился было за мобильный, но нет, чуть позже. От колдуньи выйдут, тогда можно будет спокойно поговорить. Он приподнял край огромного бумажного листа с портретом пышной сосны и ступил на крыльцо.

Глава IV

Просторная лестница вела на террасу. Вид оттуда наверняка был неплох, пока ее не залепили со всех сторон маскировочными снимками. Теперь она напоминала подвал, выжатый геологическими силами из-под земли на уровень второго этажа. На террасе нашлась входная дверь в дом, отделанная коваными медными узорами в форме извилистых растений очень вольного нрава, – они тянули навстречу друг другу тощие стебли и по пути разрождались то гроздью винограда, то одинокой грушей. Но этот генетический феномен остался без внимания нежданных посетителей. Ведь, скажите на милость, кто обращает внимание на дизайн входных дверей! Можете написать там хоть пин-код своей кредитной карты изящными вензелями и будьте спокойны, ваши деньги

будут в полной безопасности. Их украдет только сам банк, но чуть позже. Для Матрешки и Медведя было важнее, что дверь оказалась не заперта и со скрипом впустила их в просторный пыльный холл. Здесь не убирались уже, наверное, целую вечность. Дверь хлопнула, и грязный пол вспылжил серыми буранчиками. Стены пестрили фресками на магические темы – пентаграммы и руны густо кучковались тут и там, будто ими плеснули из ведра. Они чередовались с магическими животными, которые были печальны и довольно однообразны. Животные имели толстые дряблые тела, одетые в чешую, а поверх чешуи – множество бесполезных деталей вроде костяных гребней, дополнительных пар глаз и пучков сердитых змей, что росли из туш на манер горгоньих волос. У некоторых были длинные шипы с зазубринами. Неудивительно, что эти создания выглядели так грустно, – дизайнер, несомненно, вдохновлялся динозаврами, но неважно знал биологию. Будь он создателем всего сущего, его творения вымерли бы, не дожив не то что до астероида, но даже до обеда. Акустика в холле была феноменальной, и когда Медведь с Матрешкой его пересекали, стук медвежьих шагов, многократно отразившись от потолка и стен, окружил их плотным звуковым киселем. Казалось, звучит сам воздух – шевельни рукой или сильно выдохни, и он завибрирует, как от случайно задетой струны. Тихонько взялась Матрешка за ручку двери в следующую комнату, и этот шорох легкого касания отозвался от стен громким шелестом нахлынувшей волны.

Сюда следовало бы запирать для перевоспитания любителей караоке и выпускников ораторских курсов, но такая услуга пока не предоставляется. Может быть, позже.

Аккуратно прикрыв за собой дверь, чтобы не создать новое звуковое цунами, гости огляделись в полутемном коридоре. Нет, это был не коридор – анфилада комнат. Она шла полукругом, и из самой дальней доносился оживленный разговор. Пройдя через первые две комнаты, где пыльные пуфики вокруг коктейльных столов тоскливо вспоминали о былых вечеринках, Матрешка и Медведь зашли в полутемный зал. Изнанка маскировочных фотографий не закрывала окна целиком, и дневной свет активно протискивался в стыдливые щели. Потолок украшало подробно и тщательно нарисованное звездное небо. Звезды сияли лучиками, кометы имели такие щедрые хвосты, будто собрались на токование, планеты расположились в окружении пестрых спутников. Правда, и тут дизайнер впал в невежество. Большая Медведица соседствовала на небе с Южным Крестом, Нептун имел кольца, а пространство между известными созвездиями автор заполнил хаотично – просто натыкал звезды в произвольном порядке. Он был бы поражен, узнав, что примерно так выглядит наша часть галактики, если на нее взглянуть с одной из планет звездной системы Кеплер-11. В кресле спиной ко входу сидела крупная дама, обесцвеченные волосы ее были собраны на затылке в бескомпромиссный пучок, который и приветствовал входящих, не суля им ничего

хорошего. За креслом стоял невысокий растрепанный сутулый человек в поношенном вязком костюмчике. Он что-то сбивчиво бубнил, но колдунья, а это определенно была она, прерывала его резким, как хлопок петарды, окриком:

– Не принимаю! Сказала – все! Не принимаю никого, даже вас.

Потертый гражданин снова забубнил, но получил тот же эффект.

– Сказала, не принимаю. Идите к врачу. Я вам помогу, а кто знает, как потом это отразится на вашей судьбе! Нет, к врачу. Я не могу брать на себя такую ответственность. Кто там еще?! – она почувствовала движение воздуха от входа. – Уходите прочь, больше никого не принимаю. Мой дар будет заперт в этих стенах, дабы никому не причинить вреда. Прочь!

– Мы вообще-то по другому вопросу, – начал Медведь глубоким баритоном, вложив в него всю возможную учтивость. – Позвольте вас побеспокоить буквально на несколько минут, и мы сразу удалимся.

Колдунья медленно повернулась, внимательно рассмотрела Матрешку и Медведя и поджала губы.

– Не нравится мне ваша аура, – заявила она с отвращением.

– Да, нам тоже не особо, – подтвердила Матрешка, – но мы сейчас не по этому вопросу...

– Вам что, колдовать не надо? – уточнила колдунья с недо-

верием.

– Нет-нет, мы вот что хотели бы...

– А зачем вы тогда пришли? – колдунья прищурилась, встала и подошла ближе, осматривая их с ног до головы.

– Мы хотели бы...

– Так что вам надо, если не колдовать? – спросила колдунья строго и с вызовом.

– Я пытаюсь сказать, вы мне не даете! – воскликнула Матрешка.

– А вы, девушка, не грубите мне, не надо! – гневно обрadowалась колдунья. – Я таких, как вы, в ваши годы уже знаете, как знала!

Что бы ни означала эта фраза, она не обещала конструктивного диалога. Поэтому Медведь решил подавить конфликт в зародыше.

– У нас в мыслях не было вам грубить. Простите Матрешке некоторую ее эмоциональность. Дело в том, что мы несколько часов шли через лес и она очень утомлена...

Колдунья спесиво смотрела на них, не говоря ни слова. Смотрела сверху вниз, хотя была на голову ниже Медведя. Непонятно, как у нее это получилось, но без помощи магии наверняка не обошлось.

– ...Нас, знаете ли, кусали комары, – продолжал вкрадчиво гудеть Медведь, – шли мы через еловый питомник, потому что взяли неверную карту и сбились с дороги, и нам всего-то нужна минутка вашего внимания по совершенно

незначительному вопросу...

Колдунья смотрела молча.

– ...Поэтому не будете ли вы так добры уделить нам немного своего внимания, и мы заранее просим прощения за недоразумения, могущие возникнуть исключительно из-за недопонимания, но, безусловно, не по нашему злему умыслу, – Медведь сам поразился изысканности своей фразы и понял, что ничего более убаюкивающего он на данный момент изречь уже не сможет.

Наступила тишина. Колдунья продолжала смотреть на них безразлично и неприязненно.

– Я приготовлю чай, – наконец сообщила она торжественно и уплыла в другую комнату греметь посудой.

Матрешка и Медведь стояли молча и переглядывались с грустным растрепанным мужчиной в сером костюме. Тот тоже молчал. Все они опасались рассердить колдунью – кто знает, вдруг она расценила бы разговоры посетителей между собой, как неуважение.

– Переговоры будут непростыми, – все-таки шепнула Матрешка.

– Да нет, вроде она к нам расположилась, – ответил ей на ухо Медведь, – главное, повежливее!

Человек в костюме грустно вздохнул и растерянно пригладил вихры на затылке. Потом внимательно рассмотрел носки своих ботинок, похрустел пальцами и вновь погрузился в тяжелую задумчивость. Медведь вспомнил, что когда они

зашли, на мужчине вроде был синий галстук в черный горох. А сейчас на широковатом для его тонкой шеи воротнике болталась криво надетая бабочка мышинного цвета. Но нет, наверное, галстук просто показался – не мог же посетитель незаметно переодеться у всех на глазах. Да и не до этого ему было, судя по всему. Уже отводя глаза от грустного человека в костюме, Медведь краем глаза заметил, что у того по лицу мелькнула странная волна, – так ерзает изображение на экране телевизора, когда магнитная буря или нетрезвый монтажник задевают передающую антенну всей мощностью своей нечеловеческой энергии. Медведь снова присмотрелся, но нет – мужчина все так же печально стоял, вперив потерянный взгляд в стену, и никаких перемен не было на его сероватом лице.

Колдунья перестала греметь посудой и снова вплыла в комнату. В руке у нее была полная чашка чая. Она встала перед Матрешкой и Медведем, отхлебнула и глянула на них с прежним отвращением.

– Что вам тут надо? – спросила она отрывисто, поставила чашку на блюдце и стала помешивать сахар, не отрывая тяжелого взгляда от гостей.

– Дело в том, – все тем же вкрадчивым баритоном загудел Медведь, – дело в том, что Матрешка не так давно, случайно, по ошибке лишилась некоего очень важного для нее предмета...

Колдунья отхлебывала чай и молча смотрела колючими

глазками.

– Проще говоря, она неожиданно для самой себя лишилась одной из своих внутренних матрешек, – продолжал Медведь, – каковую тут же продали кому-то неустановленные лица, жадные до наживы. Она просто не успела, вы понимаете, совершенно не успела ничего сделать! Хотела выкупить ее назад, пришла – а ее уже продали.

– Ну и что? – спросила колдунья таким ледяным тоном, что даже пингвин отошел бы подальше и растер щеки, чтобы не замерзнуть. Стало ясно: она отлично знает, о чем идет речь, и просто так ничего никому не отдаст.

– Мы подумали, что, возможно, эта внутренняя матрешка по случайности могла оказаться у вас. Не затруднит ли вас припомнить, не покупали ли вы что-либо подобное? Такое, знаете, круглое, с круглой головой, из двух половинок.

Матрешка сердито покосилась на Медведя – слово «круглый» применительно к любимым матрешкам ей очень не нравилось.

– Мало ли, что я покупала! – притворно удивилась колдунья. – Я часто покупаю – и для работы, и так! Недавно вот драконовых яблок купила, жабьей кожи полкило, йогурт с клубникой. Что я, все помнить должна, что когда покупала?

– За сколько вы ее отдадите? – перебила Матрешка.

– Вот вы даже как ставите вопрос! – удивилась колдунья и на секунду задумалась. – Ни за сколько.

– Сто евро, – предложил Медведь. Он и так уже потерял

прилично, но готов был потратить еще немного, чтобы зафиксировать убыток и забыть об этом.

– Нет.

– Двести, – со вздохом продолжил торги Медведь.

– Сказала, нет! – разъярилась колдунья. – Все, разговор окончен, проваливайте. Нечего вам тут делать, – и поставила точку в беседе, твердо щелкнув пустой чашкой о блюдце.

– Вам-то она зачем?! – воскликнула Матрешка, озадаченная тем, что обычное средство решения проблем вдруг перестало действовать.

Колдунья уставилась на нее, будто услышала невероятную, неслыханную чушь.

– Зачем?! Эта матрешка изменила мою жизнь! Она изменила мое сознание! Я только теперь поняла, как велика сила, которую я получаю от Всемирного энергетического яйца!

– Ну еще бы! – горячо поддержал ее Медведь. Он еще надеялся расположить к себе колдунью лестью и пониманием.

– Она принесла с собой просветление, принесла свет и добро, – продолжала колдунья, даже не глянув в его сторону, – раньше я была слепа, я брала деньги за свой дар. Неосторожно меняла судьбы людей, потому что сама не верила в колдовство. Я думала, это вроде шоу – если дурачки хотят верить в магию, то почему бы на них не заработать. Но сейчас я прозрела, я вижу, что сила моя велика. И это большая ответственность – менять судьбы людей!

– Простите, не могли бы вы... – вставил человечек в ко-

стюме.

– Молчать! – рявкнула колдунья.

Человечек вздрогнул всем телом, и у него мгновенно выросли густые пушистые усы, а нос стал коротким и мясистым. Потом усы стали медленно убывать, щеки впали, а подбородок сделался длинным и острым, с ямкой посередине. Медведь смотрел на эти превращения, как замороженный.

– Да что за ерунду вы тут городите! – крикнула Матрешка, сбросив остатки показного смирения. Кокошник ее надулся и побагровел, складки вокруг крепко сжатых губ дрожали, как у атакующего питбуля, и делали ее лет на десять старше. Ярость вообще, знаете ли, не молодит.

– Ерунду? – изумилась колдунья, стремительно закипая в ответ. – Ерунду?!

– Полная чушь! Это внутренняя матрешка так действует, вы что, не поняли? Колдунья! – выкрикнула Матрешка ей в лицо, кривясь в едкой ухмылке.

– А я вам о чем?!

– А вы мне ни о чем! Ни на что она глаза не раскрывает! Это просто матрешка доверия вам досталась, вот и все!

Колдунья молчала, озадаченно глядя на беснующуюся Матрешку.

– Вы что, не в курсе, как матрешки устроены? Учебники читать надо! – продолжала та, размахивая руками перед носом у колдуньи, как негодующий дирижер, которому оркестр вдруг исполнил гангста-рэп.

– Ты вообще понимаешь, девочка, о чем говоришь? – протяжно и недобро сказала колдунья. – Ты вообще понимаешь, какая у меня сила? Я ведь не сдержусь, пара фраз – и твоя жизнь очень сильно изменится!

– Да нет никакой силы! – презрительно крикнула Матрешка. – Ты же ничего не знаешь, вообще ничего! Каждая внутренняя матрешка собирает в себе какое-то чувство хозяйки, как резервуар. Они для этого и нужны, больше ни для чего. Тебе досталась матрешка доверия, поэтому ты и стала верить в любую чушь!

– Не провоцируй меня! – взвизгнула колдунья, и лицо ее пошло красными пятнами. – Не провоцируй, а то пеняй на себя! Наколдую!

– Да пожалуйста! – хохотнула Матрешка, – я еще лучше наколдую, если уж на то пошло. Все твои заклинания давно изданы в сборниках анекдотов. И подумай сама, с чего бы мировому яйцу, или как ты его там зовешь, давать именно тебе какую-то особую силу? За какие заслуги? А если внутренняя матрешка тебя так укрепила, так я еще сильнее – матрешка-то моя!

В ходе этой недолгой дискуссии колдунья прошла через целый ряд цветовых трансформаций и теперь побелела от ненависти. Медведь не верил в колдовство, но всегда думал: а кто его знает? а вдруг? И смотрел на колдунью настороженно, он не хотел испытывать судьбу. Человек в костюме застыл, лицо его сделалось круглым, обрюзгшим и в веснуш-

ках, а волосы стали коротким седым ежиком. Колдунья занесла руку, как для удара, помедлила мгновение, стараясь удержаться, но ярость оказалась слишком велика.

– Бут бравинта шурьякенца! – выкрикнула она и махнула рукой в сторону Матрешки, грозно вперив в нее налитые кровью глаза. Наступила тишина. Ничего не происходило.

– И что? – с интересом спросила Матрешка.

– Твои чакры закрыты, свободное течение энергии прекратилось! – гордо сообщила колдунья. – Теперь ты будешь чахнуть день за днем!

– Делов-то, я тоже так могу, – ухмыльнулась Матрешка и вдруг истошно крикнула: – Параффинум ликвидум!

В соседней комнате что-то упало и разбилось, по звуку судя – салатница.

– Вот! – довольно сказала Матрешка, – вот это эффект, я понимаю. А не то что потом, да после, да может быть.

Колдунья застыла в растерянности, но быстро овладела собой.

– Те авен бахтале! Зурале! – крикнула она изо всех сил. – Мишто авьян! – и сделала в сторону Матрешки несколько пассов руками. Из соседней комнаты выскочила кошка, шмыгнула между ног человека в костюме и забилась под кресло. Колдунья проводила ее взглядом. Видно было, что она не это имела в виду.

– Рубус фрутикосус! – завопила Матрешка.

Но ничего не произошло. В наступившей тишине раздал-

ся сильный удар в стену снаружи и поросячий визг. Видимо, стадо кабанов тоже обманулось маскировкой. Матрешка снова набрала в грудь побольше воздуха.

– Прунус амигдалус!

– Что, не работает? – ехидно спросила колдунья.

– Это у тебя не работает! Отдавай матрешку!

– Не отдам!

– Ах так! – прищурилась Матрешка, рванула молнию поперек живота, сунула туда руку и вытащила наугад первое, что попало. Это был крем для лица в тяжелой стеклянной банке. – Феноэтанолум! – крикнула она и вдруг запустила банкой в колдунью.

Тара угодила прямо между глаз, колдунья грузно села на пол и ойкнула. А потом вовсе опрокинулась на спину, закатила глаза и выставила из-под длинной черной юбки, расшитой бисером и стразами, полные ноги с мощными толстыми щиколотками в лиловых чулках и стоптанных туфлях.

– Ну вот, а говоришь, не действует! – заметила Матрешка и бросилась в соседнюю комнату.

Медведь запаниковал. Он подбежал к колдунье и стал ее поднимать.

– Эй, вы как? Вы меня слышите?

Потом подумал: «А что у нее в других комнатах, вдруг там опасно! Матрешка же одна!» – и выбежал следом. Пробежал столовую, за ней библиотеку, корешки книг зарыбились в глазах, но быстро закончились. Снова какой-то зал, и Матрешка

стоит на стуле в дальнем углу, стаскивает со шкафа внутреннюю матрешку. Которая оказалась довольно крупной, как с удивлением отметила та часть сознания Медведя, которая еще могла соображать спокойно. Но все остальные его части были в смятении, он вновь подумал о лежащей без сознания колдунье и бросился назад к ней – надо же привести женщину в чувство! Колдунья уже пришла в себя. Она тихо постанывала, пытаясь сесть, и щупала шишку на лбу, которая на глазах наливалась синевой.

– Вы в порядке? – крикнул Медведь ей в лицо, помогая приподняться, колдунья поморщилась от громкого звука.

– Голова! – простонала она.

– Так тебе и надо, – сообщила Матрешка, появляясь в дверях. Подмышкой у нее безвольно болталась с глупой улыбкой на румянном круглом лице внутренняя матрешка. – Так тебе и надо, нечего чужое присваивать!

– Оставьте ее мне! – со слезами на глазах взмолилась колдунья. – Она мне нужна! Как я без нее?!

– Интересное дело! – удивилась Матрешка. – А я как без нее? Это часть меня, между прочим! Заведи себе внутреннюю колдунью и живи с ней, – и она направилась к выходу.

– Я посмотрю на тебя зайцем! – зарыдала колдунья. – Я посмотрю на тебя зайцем! – вскочила и выбежала вон.

– Что она сделает? – не понял Медведь

– Она посмотрит на меня зайцем, – пояснила Матрешка. – Пока не могу сказать, как это будет.

Колдунья вернулась с прежним угрожающим видом, в руках у нее был большой плюшевый заяц с непропорционально длинными ногами и твердыми пластмассовыми когтями на манер птичьих. Она молча ткнула зайцем в лицо Матрешке и посмотрела так сурово, будто от такого воздействия жертва должна была немедленно скорчиться в жутких муках. Матрешка уставилась на зайца. Его глаза были сделаны из огромных стразов и переливались на свету всеми цветами радуги.

– Страшно, – подтвердила Матрешка. – Все?

Колдунья сама осторожно посмотрела зайцу в глаза, скривилась и еще раз ткнула в лицо Матрешке. Та вздохнула, развернулась и заскользила к выходу.

– Стой! Ты сейчас же вернешься! – крикнула колдунья, тыча зайцем ей в спину.

– Перестаньте, – преградил ей путь Медведь. – Это глупо.

Колдунья смотрела на него глазами, полными слез, продолжая машинально тыкать зайцем.

– Вы разве не видите, что колдовство не действует? – продолжал Медведь. – Сами подумайте: внутренняя матрешка стояла у вас на шкафу, вы были уверены в своей силе, а мы просто зашли и взяли ее. И никакие заклинания нас не остановили. Получается, что все это ваше просветление, осознание – это был обман. Внутренняя матрешка вас обманула! Так зачем она вам нужна после этого?

Колдунья слушала его, не мигая и не шевелясь, потом стала всхлипывать. Медведь развернулся и пошел нагонять

Матрешку. Почти бегом они миновали холл – каждое движение снова отразилось от стен оглушающей какофонией. Наконец выскочили на крыльцо, в лесную тишину. Вдохнули свежего воздуха – после душных комнат его, казалось, можно было пить, как прохладную минералку. И услышали, как колдунья распахнула дверь в холл и сквозь слезы крикнула им вслед:

– Вы не заплатили!

Спускаясь с крыльца следом за Матрешкой, которая сосредоточенно тащила свою добычу, Медведь чувствовал себя так, будто банка с кремом угодила по голове ему, а не колдунье. Мысли и чувства его были в беспорядке. Сама идея о том, чтобы отнимать что-то силой, была ему неприятна. Да и просто жаль было колдунью. Такой несчастной она выглядела, когда они уходили, несмотря на то, что Медведь все-таки заплатил ей 200 евро.

Девушка с косой смотрела на них со скамейки, как на гонимых с неведомой вестью.

– Приняла?!

– Не совсем, – честно ответил Медведь.

– Вас-то она примет, – обнадежила ее Матрешка. – Готовьте деньги. Она теперь наверняка станет брать дороже.

Медведь хотел было раскрыть девушке глаза, рассказать об откровениях колдуньи и как они с Матрешкой без усилий одолели патентованные заклинания. Но подумал: а стоит

ли? Если трогательная простушка перестанет верить в чушь, то чем она эту веру заменит? К тому же народ прибывал. Рядом с красной машинкой, на которой приехала доверчивая девица, притормозил крупный черный джип, накренился и запарковался в канаве. Судя по ругани габаритных мужчин, выскочивших из его темного нутра, они были разочарованы водительскими навыками своего рулевого. Матрешка уже неторопливо скользила по тропинке в сторону дороги, и Медведь решил не вмешиваться со своими непрошеными советами в чужую личную жизнь. А уж устраивать здесь публичную лекцию на тему вреда суеверий ему и вовсе не хотелось. Ему хотелось поскорее завершить этот странный день в своей постели, предварительно приняв теплый душ и выпив чая с имбирем. Поэтому он ободряюще улыбнулся девице и пустился догонять Матрешку.

Новоприбывшие клиенты колдуньи шли им навстречу и, судя по раздраженному клекоту, продолжали обсуждать неудачу с парковкой. Двое из них выглядели так, будто сбежали из витрины мебельного магазина. Крупные и угловатые, они неуклюже размахивали при ходьбе руками, то и дело задевая сухие еловые ветви, – те прощально шелкали в ответ и падали на землю уже в статусе хвороста. Черные двубортные костюмы сидели коробом на этих угрюмых субъектах, их черные начищенные ботинки с хрустом крошили хвою и прошлогодние шишки, густо устилавшие тропинку. Третий, невысокий и худой, семеня следом и забегал иногда

вперед, чтобы поучаствовать в беседе. Но снова отставал, не добившись внимания. Матрешка и Медведь были уже шагах в двадцати от этой компании, когда суетливый, ужом изогнувшись, снова выскочил вперед и победно крикнул, тыча пальцем в их сторону:

– Вот они! Вот же они!

Только тут Медведь всмотрелся в идущую навстречу троицу и сделал довольно неприятное открытие. Юрким крикуном оказался тот самый тощий продавец матрешек, от которого они так ловко ускользнули в клинике. Двое громил рядом с продавцом были Медведю незнакомы, впрочем, он и не горел желанием узнать их ближе. Да и те засомневались в своем будущем, увидев живого медведя на расстоянии трех его прыжков. Они остановились и уставились пустыми светлыми глазами на Матрешку и Медведя, пытаясь сообразить, кто здесь для кого опаснее.

– А ну стоять! – выкрикнул наконец один из них. Что прозвучало не вполне логично, ведь Медведь с Матрешкой и без того стояли не шевелясь, как гипсовая скульптурная группа.

– Стоять, я сказал! – уже смелее и наглее крикнул громила и сделал полшага вперед.

Медведь насупился и тоже шагнул вперед, заслоняя собой Матрешку. Но это было лишним. Она рванула с места вбок и юркнула за сосну. Потом за другую, третью и пустилась куда-то за дом с такой скоростью, что Медведь и трое агрессоров лишь изумленно проводили ее взглядом.

– Погоди, куда?! – опомнился Медведь. – Секунду! – бросил он через плечо громилам и потрусил вслед за ней.

Он решил вернуть Матрешку и решить, наконец, все вопросы с продавцом и его спутниками разумно и с достоинством. В конце концов, внутренняя матрешка была добыта, оставалось лишь найти у нее внутри флешку, отдать и уйти с миром. К теплой постели, душу и чаю с чабрецом. И имбирем.

Где-то позади лопнула шина, так сначала показалось Медведю. Резкий хлопок отразился от деревьев протяжным эхом, заставил его присесть на бегу и оставил звон в ушах. Он еще успел удивиться – неужели кому-то прокололи шину специально, ведь машины стоят! Но тут же второй хлопок порвал лесную тишину. «Они что, стреляют? – не поверил сам себе Медведь. – Они что, стреляют?!» Его сознание пыталось нащупать, как рукой в темной комнате, хоть какое-то мирное, будничное объяснение происходящему, но тело сразу поверило в худшее, и ноги сами понесли к углу дома, за которым только что мелькнуло и исчезло красное Матрешкино платье. Если бы Медведь так бегал на городском стадионе, его неминуемо взяли бы в олимпийскую сборную. Еще один хлопок заставил его сделать несколько хитрых зигзагов, мощным броском он кувырнулся за дом, вскочил и с сосредоточенным ужасом понесся в глубину леса по широкому следу, который оставила удирающая Матрешка. В памяти вдруг всплыло непрошеное и помпезное слово «сразил».

Пока он бежал мощными прыжками, слово это неотступно болталось где-то в районе головы, будто вцепившись в загривок: «сразил, сразил, сразил».

Медведь легко нагнал Матрешку, и теперь они молча удирали бок о бок. Их хоровое пыхтение распугало местных белок – те неохотно оставили трапезу, шмыгнули по дуплам и смотрели оттуда с негодованием. Отрывистые крики преследователей поблекли и отстали, а потом совсем растворились в лесной тишине. Не сговариваясь, беглецы свернули в какие-то негостеприимные кусты, потом попетляли среди молодого осинника, намотав на себя пару метров паутины, остановились у опушки и прислушались. Никакие посторонние звуки не портили едва слышный саундтрек, обычный для леса средней полосы, – кто-то чирикал, кто-то шуршал и попискивал, кто-то кем-то аппетитно чавкал в густых зарослях. Но треснула ветка – так, как она могла треснуть только под ногой человека или крупного животного. Медведь присел за дерево и потянул Матрешку за платье, она послушно юркнула под ближайшую ель. Хруст повторился, донеслось негромкое сопение, кто-то усердно прорывался через нехоженую чащу. Матрешка с Медведем съежились, вжались в окружающую растительность и постарались даже не дышать, хотя их взволнованные организмы настойчиво требовали кислорода и срочного бегства. Наконец ближайшие кусты раздвинулись, и из них вышел человек в сером костюме – тот, что был с ними у колдуньи. Он остановился,

отряхнулся, покрутил головой в разные стороны и робко сказал:

– Эй!

Медведь осторожно выглянул из-под дерева, но не стал пока обнаруживать своего присутствия. Он даже принялся, как делали его далекие предки в кризисных ситуациях. И унюхал много нового, по большей части неприятного. К сожалению, он понятия не имел, что может пахнуть вот так горько и противно, откуда исходит вон тот мутно-приторный аромат и что это за запах принесло ветром – слегка тухлый и с кислыми нотками. Он безошибочно мог отличить по запаху фокаччо с сыром от «маргариты» с анчоусами, но местные запахи никакой информации не давали.

– Эй! – снова сказал в пространство человек в костюме и поскреб подбородок, заросший пегой щетиной. – Простите, пожалуйста, а где выход?

Медведь наполовину высунулся из-за дерева и с опаской оглядел человечка.

– Вы что, следите за нами? – спросил он строго.

– Что вы, что вы! – замахал руками тот, и у него вдруг появился на шее красивый желтый бант в темно-коричневый горох. – Я, знаете, так разволновался, когда вы с колдуньей все это... Я пошел за вами, а тут стрельба, шум, я так перепугался! Очень страшно!

– Ну да, не без того, – присоединилась к беседе Матрешка, вылезая из вороха травы и веток, и отряхиваясь, – а вам что

тут надо?

– Вы не подскажите, как найти выход? Я тут совсем ничего не знаю, я не местный.

– Мы в общем тоже! – сообщила Матрешка.

– Как, а... – человечек застенчиво посмотрел на Медведя.

– Нет! – обиделся Медведь.

– Простите, простите, я ничего такого не имел в виду, – огорчился человечек. – Извините, а вы будете отсюда выходить?

– Очень бы хотелось, – хмыкнула Матрешка.

– Ой, как хорошо! – обрадовался человечек, порозовел и стремительно располнел размера на два. – А можно, я с вами? Я бы очень хотел отсюда выйти, здесь довольно много кровососущих.

– Ну конечно, пойдемте, – радушно согласился Медведь, уже забыв обо всяких подозрениях.

– Вам не кажется, что это лицо вас полнит? – спросила Матрешка, пристально всматриваясь в нового спутника. – Вы вообще кто? Вы почему все время меняете внешность?

– Да-да, извините! – человечек резко осунулся, щеки его стали впалыми, как горные долины, а бант съежился и исчез. – Простите, я должен был сразу представиться. Я работаю фотороботом в городской полиции. Точнее, работал. До недавнего времени, – и он погрустнел.

– А что случилось? – заинтересовался Медведь. – Вас что, уволили?

– Нет-нет, я бы так не сказал, – вздохнул Фоторобот и моментально поседел, – но работа, видите ли, такая нервная, вечно стрессы. И я в последнее время стал страдать нервным тиком. Это несколько мешает рабочему процессу, к сожалению.

– Надо думать, – пробормотала Матрешка, наблюдая, как седина быстро убывает с головы Фоторобота, уступая место рыжевато-русому цвету, какой встречался прежде у викингов.

– Да-да, сильно мешает, увы. Мне предложили взять длительный отпуск без содержания, чтобы я решил эту проблему.

– И вы думали, колдунья поможет?

– О ней ходит довольно много обнадеживающей информации, – дипломатично заметил Фоторобот.

– Даже чересчур, – покачал головой Медведь. – Ну что, пойдём? – и он двинулся к опушке.

– Ты точно знаешь, куда надо? – холодно удивилась Матрешка.

– Где просвет, там обычно дорога, – отрезал Медведь, не оборачиваясь. За этот день ему выпало слишком много неприятностей, и он устал спорить.

– Скажите, а чем вы так разозлили этих людей? – спросил Фоторобот. – Это что, бандиты?

– Они думают, что у Матрешки внутри случайно может оказаться кое-что им нужное, – пояснил Медведь.

– Хотя на самом деле ничего подобного! – поспешила уточнить Матрешка.

– Странное недоразумение, – подвел итог Медведь.

– Понятно, понятно, – задумчиво покивал Фоторобот. – Недоразумения часто приводят к стрельбе в лесу, это известно. А почему вы не пойдете в полицию?

– Вы что, там же такая коррупция! – воскликнула Матрешка. – Они же сами хуже бандитов!

Фоторобот насупился и промолчал.

– Ты, кстати, говорила, что это фирма по чему-то там промышленному, – напомнил Медведь. – Они всегда себя так ведут? Такой стиль бизнеса?

– Я не знаю, что это здесь были за люди, – голос у Матрешки дрожал, глаза заблестели от слез, – никогда их не видела. Я все-таки не думаю, что это бандиты. Может, они стреляли холостыми?

Ни дорог, ни даже тропинок на опушке не оказалось. Но это совершенно не испортило общее впечатление. Осень уже расположилась в календаре на правах хозяйки, а здесь об этом и не слышали – трава шелестела по-летнему, какие-то белые пушистые метелки заманивали шмелей страстным медовым ароматом, кузнечики упоенно скрежетали среди настырных ромашек и ленились даже прыгать. Просто замолкали на секунду и сдавали в сторону, услышав шаги. Поляна была ровной, как стол, – никаких внезапных оврагов или ям. Длинная и узкая, она вытянулась посреди леса на ма-

нер взлетно-посадочной полосы. Но, натолкнувшись в конце концов на частокол еловых стволов, не обрывалась, а сворачивала налево и там, вроде бы, продолжалась. Довольно необычное поведение для лесной лужайки, согласитесь. Медведь тоже уловил эту странность, хотя сейчас его занимало совсем другое. Солнце заметно расплнело и приобрело красноватый оттенок. Оно уже наполовину сползло за вершины деревьев и выглядело по-вечернему усталым, хотя продолжало изо всех сил жарить в любой просвет между ветвями. Дело шло к закату, и у Медведя появились нехорошие предчувствия, очень нехорошие. Предчувствия были гораздо хуже, чем даже вчера, когда его везли в ветеринарную клинику. Там хотя бы была кровать, а ночевку в лесу Медведь даже не хотел себе представлять. Он ускорил шаг и чуть ли не перешел на рысь, Матрешка с Фотороботом подотстали, но тоже старались изо всех сил – никого из них не привлекала идея спать на еловой хвое среди комаров и прочей беспардонной живности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.